Л. Г. Богаевский

Из давно прошедшего

1876 - 1879

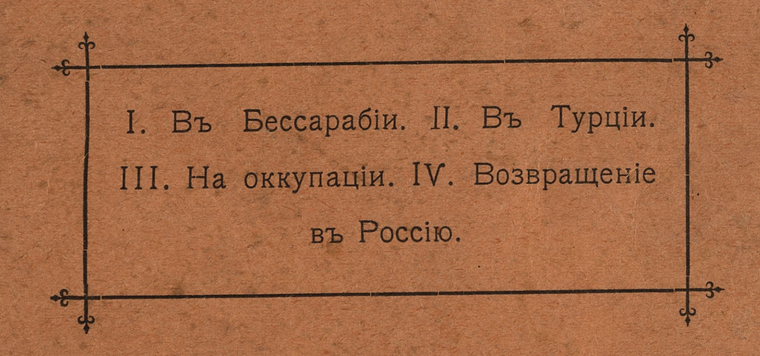

ИЗЪ КНИГЪ
А.М.МАКАРОВА
И Р

1877 - 1878 г.

Л. Г. Богаевскій.

ИЗЪ ДАВНО ПРОШЕДШАГО.

(1876—1879).

I. Въ Бессарабіи. II. Въ Турціи. III. На оккупаціи. IV. Возвращеніе въ Россію.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-Типографія Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1910.

Глубокоуважаемой
Анне Васильевне
Герценштейн
от автора.

Л. Г. Богаевскій.

Изъ давно прошедшаго.

(1876—1879).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Т-ва п. ф. „Электро-Тип. Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.
1910.

Изъ давно прошедшаго.
(1876—1879).

Въ Бессарабіи.

Ноябрь (1876 г.)—Апрѣль (1877 г.).

о времени объявленія мобилизаціи, я съ моимъ товарищемъ X* провели почти пять мѣсяцевъ въ одной изъ деревень Бессарабіи. Въ батареѣ мы застали весьма натянутыя отношенія между офицерами и командиромъ.

Интересный типъ представлялъ изъ себя старый полковникъ В*. Высокій, худой съ длинными сѣдыми бакенбардами, прекрасный строевикъ, замѣчательный ѣздокъ—онъ не скрывалъ своей вражды ко всему, что соприкасалось съ „наукой“.

Отъ солдатъ онъ требовалъ лихого вида; видъ солдата съ нахлобученной безкозыркой выводилъ его изъ себя:

— Шапки на бекрень!—кричитъ, бывало, передъ строемъ.

Самыми сильными ругательствами считалъ „физику“ и „математику“.

— Ахъ ты—„физика“, „математика проклятая“,—кричалъ, бывало, на солдата, сидѣвшаго вахлакомъ.

Разгорячившись разъ, истощивъ запасъ всѣхъ обычныхъ бранныхъ словъ, вдругъ онъ закричалъ:

— Ахъ, ты Ак-а-демія!! Тутъ же, повернувшись къ офицерамъ, изъ коихъ двое собирались въ академію, прибавилъ серьезнымъ тономъ:

— Г-да офицеры, прошу на свой счетъ не принимать!

Кто самъ служилъ въ строю, въ глуши, тотъ отлично знаетъ,

на сколько личность командира вліяетъ на складъ жизни офицеровъ, особенно если общество холостое и немногочисленное [1]).

Были еще нѣкоторыя особенныя обстоятельства (chercher la femme), которыя еще болѣе обостряли и безъ того уже дурныя отношенія.

Все это дѣлало еще болѣе тяжелой и безъ того уже тяжелую непривычную жизнь въ хатахъ, безъ всякаго общества, въ вѣчно тоскливомъ ожиданіи чего-нибудь опредѣленнаго за долгіе мѣсяцы дипломатическихъ переговоровъ. Вспоминая это время, не нахожу ни одного живого радостнаго человѣческаго впечатлѣнія, которое прорѣзало бы лучемъ свѣта сумерки нашего существованія.

Единственнымъ спасеніемъ отъ скуки было чтеніе; читалъ безъ разбора все, что только попадалось, зачитывался до того, что иногда не совсѣмъ ясное представлялъ себѣ настоящее; изъ „серьезныхъ" книгъ прочиталъ за это время только Дж. Ст. Милля—Политическую экономію и о подчиненности женщины.

Собирался было вести дневникъ, но дальше желанія не пошелъ. У меня сохранилось только нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ объ этомъ времени.

Ноябрь 1876 г.

— Господа, пойдемте къ Г*.

— А вы знаете квартиру?

— Какъ-нибудь найдемъ!

Мы вышли изъ хаты, прошли дворикъ и, выйдя за ворота, очутились на площади; снѣгу не было—уже растаялъ, глубокую грязь прихватилъ морозъ, и вся земля покрылась образовавшейся колотью. Мы съ трудомъ шли по ней и смѣялись, когда кто-нибудь изъ насъ терялъ равновѣсіе.

— Эй, солдатъ—не знаешь ли квартиры Г*?

— От-тутъ, кажись, направо.

Пошли направо, налѣво, направо—пришли.

На дворѣ насъ встрѣтила презлая собака.

---

[1]) При пріѣздѣ въ батарею мы застали всего четыре офицера. Одинъ изъ нихъ прекрасный товарищъ, человѣкъ мужественнаго, открытаго характера, Г*, въ Румыніи на берегу Дуная, послѣ непріятной исторіи съ командиромъ собралъ свой взводъ, простился съ нимъ и здѣсь же пустилъ себѣ пулю въ лобъ изъ того самаго „бульдога", который я купилъ для него въ Кишиневѣ. Послѣ этой исторіи В* былъ отставленъ отъ командованія батареей. Симпатичный, скромный какъ дѣвушка, С*-а застрѣлился при обратномъ возвращеніи въ Россію. „Вѣчный прапорщикъ" С* кончилъ такъ, какъ кончаютъ многіе русскіе люди... Уцѣлѣлъ одинъ только К*, отличный офицеръ и товарищъ, любимый всѣми, кто его зналъ.

— А, ну, ты!—кричитъ на нее вышедшій съ самоваромъ въ рукахъ денщикъ.

Изъ сѣней одна дверь вела къ хозяевамъ-молдаванамъ, другая направо къ квартировавшимъ здѣсь офицерамъ.

Отворили дверь и по одному вдвинулись въ хату; пока раздѣвался, успѣлъ оглядѣть помѣщеніе: темная, грязная комната, низкій потолокъ, по стѣнамъ лавки; около одной изъ нихъ столъ, за столомъ сидѣлъ въ полушубкѣ К* съ съѣхавшей на затылокъ шапкой.

— А, г-да молодежь, здорово, милости просимъ!—раздался голосъ изъ глубины угла: въ одномъ бѣльѣ валялся Г* на постели.

На полу стояли развернутые чемоданы, на лавкахъ валялись сабли, лядунки—видно было, что тутъ еще не устроились.

— Что же, наконецъ, скоро ты дашь намъ ѣсть?

— Поворачивайся живѣе! посыпалось на денщика; черезъ четверть часа денщикъ внесъ горшокъ съ картофелемъ — больше ничего нельзя было достать; принялись за ѣду.

— Хорошо еще, что тутъ недолго [1]) придется жить—скоро походъ!

— Да, скорѣй бы походъ!

— Неизмѣримо лучше всякій походъ, чѣмъ въ грязной молдаванской хатѣ.

Разговоръ не вязался—говорить никому не хотѣлось, ѣли молча, изрѣдка только дѣлали замѣчанія по поводу картофеля и ожидаемаго самовара; о предстоящей же жизни никто не говорилъ. Одинъ только докторъ, здѣсь присутствовавшій, молодой человѣкъ лѣтъ 27, и ѣлъ за двоихъ и находилъ время говорить за всѣхъ.

Я и Х* собирались впослѣдствіи выйти въ отставку и поступить въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, и потому мы со вниманіемъ присматривались къ нашему доктору, очень недавно окончившему Х* университетъ.

— Это старое мнѣніе насчетъ бо́льшей питательности яицъ въ смятку сравнительно съ яйцами въ крутую, говорилъ докторъ и, разбирая разныя основанія для того и другого мнѣнія, убѣждалъ въ бо́льшей питательности яицъ въ крутую.

— А, вѣдь, намъ, г-да, остается только одно, заговорилъ Х*— питаться съ солдатскаго котла!

Всѣ согласились, что это наилучшій выходъ; завязался разговоръ о независимости.

„Независимость“, „правда выше всего“, „борьба“—такъ и сыпалось у доктора.

---

[1]) Никто не могъ и подумать, что тутъ въ этихъ условіяхъ придется „простоять“ почти 5 мѣсяцевъ.

Вся комната была въ клубахъ табачнаго дыма—нечѣмъ было дышать.

Заходили опять на ту же квартиру; безпорядокъ тотъ же; собралось человѣкъ 6, всѣ сидѣли вокругъ стола, кто на лавкѣ, кто на боченкѣ; жгли пуншъ. Разговоръ вертѣлся около вопроса—будетъ ли война, или нѣтъ? Оставятъ ли насъ въ этой деревнѣ или переведутъ въ другое мѣсто?

Нерѣдко у насъ говорили о небрежности доктора къ больнымъ. Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія, думалъ я, и при первомъ же удобномъ случаѣ завелъ съ нимъ разговоръ на общую тему.

Оказывается, что онъ „жертва борьбы", что „прежде" онъ „боролся противъ неправды", видя ее въ лицѣ В*, но потомъ, увидавъ, что „онъ одинъ въ полѣ воинъ", „усталъ бороться" и—„попиваю ерофеичъ у В*, ѣзжу съ нимъ въ Кишиневъ, и что же—прекрасно! Вчера ѣздили въ Унгени, выпили тамъ, В* давалъ шампанское. А завтра ѣдемъ въ Кишеневъ, денька черезъ два вернусь!"

— А ваши больные?

Онъ завелъ рѣчь о недостаткѣ средствъ, инструментовъ и т. д. Незамѣтно разговоръ перешелъ на „войну".

— А вотъ если война будетъ—увидите, сколько мы будемъ „получать",—здѣсь онъ подробно началъ высчитывать суточныя, столовыя и пр.

Что за невыразимая тоска жить въ хатѣ, безъ всякаго дѣла, кругомъ однѣ и тѣ же хаты, все тѣ же апатичные молдаване и ни одного посторонняго человѣка, съ кѣмъ интересно было бы поговорить. Къ тому же вѣчное томительное ожиданіе, что вотъ-вотъ двинемся, но когда и куда—назадъ или впередъ?

Но куда бы ни двинуться—только бы не оставаться здѣсь. Читаешь, читаешь—ну, и ничего! а потомъ, вдругъ, послѣ недѣльнаго запоя и повѣсишь голову, отгоняешь мысли о жизни свободной, разумной.

Какая радость! позволяютъ ѣхать въ Кишиневъ. Не думая о томъ—что тамъ будетъ—что встрѣчу—живо, скорѣй, денщикъ! Готовъ! Трясешься въ фурѣ по колоти 7 верстъ до станціи; силы нѣтъ болѣе сидѣть—ложишься въ средину повозки: все менѣе трясетъ. Вотъ уже и Страшены—скоро Кишиневъ.

Поѣздъ проходитъ поздно, часовъ въ 11 вечера. Въ городѣ невылазная грязь, неприглядны дурно освѣщенныя, длинныя, пустыя

улицы; угрюмо смотрятъ дома со своими большей частью неосвѣщенными окнами; они какъ бы сторонятся отъ этого чужого нахлынувшаго люда. Одни трактиры, рестораны, гостиницы постоянно освѣщены и полны народу.

Въ началѣ апрѣля 1877 г. я и Х* были переведены въ батарею, стоявшую въ небольшой деревушкѣ въ Бессарабіи.

Здѣсь мы застали сравнительно большое общество: кромѣ командира, барона М*, было, считая съ нами, 8 офицеровъ (Р—нъ, Л—овъ, Ж—ко, бар. И., М—овъ, Г—нъ, я и Х* докторъ [1]), ветеринарный врачъ и два вольноопредѣляющихся Ж—скій и С—овъ. Во время кампаніи пріѣхалъ Ш. и послѣ войны З—скій. Все молодежь: мнѣ не было еще и 19 лѣтъ, старшему офицеру не болѣе 30 лѣтъ. Почти всѣ были изъ Мих. арт. у-ща, гдѣ послѣ военной гимназіи проходили серьезную математическую школу въ теченіе 3 лѣтъ [2]).

Все офицерское общество собиралось обѣдать у командира, который по старому конно-артиллерійскому обычаю держалъ столъ для своихъ офицеровъ. Выписывались газеты („Русскій Инвалидъ" и „Голосъ") и нѣсколько журналовъ („Вѣстникъ Европы", „Отечественныя Записки" и „Дѣло").

По вечерамъ, за чаемъ и легкимъ ужиномъ, сходились у кого-либо изъ офицеровъ, и за веселымъ разговоромъ время проходило незамѣтно.

Съ этой батареей я сдѣлалъ всю кампанію и сохранилъ обо всѣхъ моихъ товарищахъ наилучшія самыя сердечныя воспоминанія.

Въ Турціи.

Въ день объявленія войны (12 апрѣля 1877 г.) выступили въ походъ и 16 апрѣля перешли границу. Во время похода и войны

---

[1]) Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда д-ръ П—овъ получилъ другое назначеніе. Отличный хирургъ, серьезно относился къ дѣлу. Слабость его—походить на офицера. Про него можно было бы сказать, что онъ былъ „plus officier que l'officier lui même". Смѣнилъ его д-ръ К—цій изъ Дерптскаго университета, высокообразованный, серьезный, гуманный человѣкъ, все время читавшій классиковъ.

[2]) Во время кампаніи М—овъ перевелся въ гусары. Оба наши вольноопредѣляющіеся послѣ первыхъ же сраженій были произведены въ офицеры и переведены одинъ въ уланскій (Ж—скій), другой въ драгунскій полкъ (С—овъ).

велъ дневникъ, который былъ потомъ напечатанъ въ „Военномъ Сборникѣ“ [1]).

Время съ іюня по январь провели на бивуакахъ, сначала въ палаткахъ, а затѣмъ въ землянкахъ.

На бивуакахъ была масса свободнаго времени; много занимался математикой, воспользовавшись великолѣпными французскими учебниками, пріобрѣтенными въ Бухарестѣ (Bertrand, Bos, Sturm). Тамъ же купилъ нѣсколько серьезныхъ сочиненій, которыя потомъ „штудировалъ“ въ землянкѣ: Бюхнера (Force et Matière) во французскомъ переводѣ; Дарвина (L'origine des Espèces), Лебокка (Les origines de la civilisation и l'homme préhistorique), Бокля (по-нѣмецки); купилъ также Gesellschaftswissenschaft соч. „одного д-ра медицины“, гдѣ онъ рекомендуется атеистомъ, дарвинистомъ и мальтузіанистомъ. Я такъ много слышалъ раньше о Бюхнерѣ и такъ мнѣ хотѣлось его пріобрѣсти, что послѣ чтенія остался разочарованнымъ. Дарвина читать мнѣ было очень трудно и для лучшаго усвоенія я дѣлалъ конспекты. Леббокъ же (особенно „начала цивилизаціи“) привелъ меня прямо въ восторгъ: здѣсь впервые предо мною развертывались идеи эволюціи въ мірѣ нравственныхъ понятій и общественныхъ формъ.

Военныя дѣйствія въ нашемъ отрядѣ прекратились 30 ноября, но мы продолжали стоять въ полѣ подлѣ Тростеника.

6 декабря выпалъ такой снѣгъ, какой рѣдко можно видѣть даже въ Россіи—и засыпалъ всѣ наши землянки. Однѣ только бѣдныя лошади, ничѣмъ не защищенныя, стояли молча, понуривъ головы, длинными рядами. Только когда два раза въ день раздавался крикъ вахмистра „навѣшивай торбы!“—вдругъ по всему бивуаку поднималось лошадиное ржаніе, но это было уже не то бодрое, веселое ржаніе, что раньше; теперь въ этомъ ржаніи слышна была дикая радость голодающаго при видѣ пищи. Съ фуражемъ очень плохо: уже съ сентября лошади получали не болѣе 2 гарнцевъ въ день, а когда бури на Дунаѣ разстроили переправу и прекратили сообщеніе съ Батиномъ, откуда въ послѣднее время изъ складовъ брали сѣно, лошади получали или по одному гарнцу или на однѣхъ галетахъ...

Говорили, что скоро кавалерію и конную артиллерію разведутъ по деревнямъ; на позиціяхъ же оставятъ пѣхоту и пѣшую артиллерію.

---

[1]) „В. Сб.“ за 1903 г. №№ 9—12.

27 декабря 1877 г.

У насъ сегодня большой скандалъ.

Какъ я уже писалъ, бури съ начала декабря прервали сообщеніе чрезъ Дунай и доставать фуражъ было очень трудно, лошади стали падать (пало уже 30 лошадей!); командиръ бросался изъ стороны въ сторону—ничего не выходило... Объ этомъ пошли слухи...

Недавно пріѣзжалъ начальникъ артиллеріи корпуса генералъ Н* смотрѣть лошадей. Стыдно было показывать; вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ генералъ Б*, тоже смотрѣлъ... Сегодня пріѣхалъ начальникъ дивизіи баронъ Дризенъ, смотрѣлъ лошадей и объявилъ при всей батареѣ, что онъ, собственной властью, отставляетъ бар. М* отъ командованія батареей, и затѣмъ, вызвавъ Л*, приказалъ ему принять на себя командованіе впредь до прибытія новаго командира.

5 января 1878 г.

Наканунѣ новаго года меня съ командой людей послали въ Бѣлу за 30 верстъ за фуражемъ, гдѣ находились интендантскіе склады. Прежде чѣмъ получить фуражъ, мнѣ пришлось повозиться съ интендантами. Только на другой день по пріѣздѣ удостоился быть принятымъ интендантомъ! (Пар—совъ—потомъ, по окончаніи кампаніи, былъ отданъ подъ судъ). Боже мой—какой видъ! Потомъ пришлось возиться со смотрителемъ склада—маленькимъ старичкомъ изъ грековъ съ плутоватыми глазами. Какъ имъ далеки дѣйствительныя нужды арміи. Было прямо омерзительно...

Вернувшись на бивуакъ, узналъ, что завтра переходимъ въ деревню Карахаджили, гдѣ станемъ по домамъ. Теперь уже укладываемся и прощаемся съ нашими землянками.

Карахаджили, 10 января 1878 г.

Эти дни мы переходили съ бивуака въ деревню, что было не такъ-то просто: много лошадей пало, а остальныя были, какъ тѣни. „Русская конная артиллерія—это центавръ!“ говорилъ почтенный Л. Л. Кирпичевъ на своихъ лекціяхъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Вотъ тебѣ и „центавръ!“ Въ деревнѣ устроились отлично: чистыя комнаты, отличныя конюшни. Послѣ 7 мѣс. бивуачной жизни—поразительно хорошо.

24 января 1878 г.

Эти нѣсколько ночей я положительно не могу спать: голова въ огнѣ отъ разныхъ думъ и мыслей. 21 января мы получили бумагу, изъ которой видно, что „предварительныя условія мира уже подпи-

саны, демаркаціонныя линіи опредѣлены. Рущукъ очистится и мы его займемъ". Неужели мои мечты близки къ осуществленію? Хочется плакать, но слезъ въ моей суровой обстановкѣ мнѣ не даетъ судьба. Еще ничего неизвѣстно—ни когда пойдемъ въ Россію, ни какія части останутся на оккупацію.

25 января 1878 г.

Къ намъ пріѣхалъ вновь назначенный командиръ князь Р*.—На всѣхъ онъ произвелъ наилучшее впечатлѣніе. Говорятъ, что это человѣкъ съ традиціями „старой конной артиллеріи".

1 февраля 1878 г.

На-дняхъ мы заходили въ церковь посмотрѣть болгарскую свадьбу. Невѣста, вся закрытая, подъѣхала къ церкви въ „каруцѣ", запряженной парой буйволовъ. Невѣста и въ церкви оставалась съ лицомъ, закрытымъ толстымъ платкомъ, надѣтымъ на голову, поверхъ котораго былъ надѣтъ кружокъ съ монетами.

Женихъ представлялъ изъ себя какую-то жалкую фигуру. Пѣніе невыносимое. Вдругъ по церкви страшный хохотъ: священникъ что-то давалъ дружку (деверю)—здоровенному мужику Панасу, а Панасъ захотѣлъ напугать „пòпу" и укусилъ его за палецъ!

А на улицѣ шелъ „джогъ": кругъ изъ дѣвушекъ и парней, взявшись за руки, подъ монотонные звуки волынки двигался то влѣво, то вправо, притоптывая ногами. Внутри этого круга медленно двигался музыкантъ съ удивительно безстрастнымъ лицомъ, выводившій свои унылые звуки.

Вечеромъ слышны были свадебные выстрѣлы изъ ружей и пистолетовъ.

8 февраля 1878 г.

Какая-то неопредѣленность положенія. Ходятъ слухи о возможности войны съ Австріей.

12 февраля 1878 г.

8 февраля наши войска заняли Рущукъ.

Сегодня утромъ я, Ш—нъ и Х—ко верхами съ рейткнехтами, и повозкой, запряженной четверкой, отправились въ Рущукъ для покупокъ.

Пришлось ѣхать по мѣстности, полной для насъ воспоминаній: тутъ были 5 ноября, здѣсь стояли подъ пулями 7 ноября, тамъ носились по полю 14-го, а вотъ по этой тропинкѣ я съ четырьмя драгунами ѣздилъ еще въ іюлѣ далеко впереди нашихъ войскъ къ Пиргосу.

Какое-то особенное, пріятное ощущеніе ѣхать по этимъ мѣстамъ.

Скоро мы доѣхали до границы, за которой раньше все время были турки; вотъ и укрѣпленія ихъ, лагери, землянки.

Чудный солнечный день. По дорогѣ встрѣчались повозки то съ болгарами, то съ турками, возвращающимися въ свои села. Заговаривали съ болгарами,—изъ какого села?—Кочнево, Чифликъ, Пиргосъ.

— Э, братушки,—отвѣчаемъ: нѣтъ уже ихъ...

Встрѣчаемъ веселыя группы молодыхъ болгаръ: ѣдутъ верхомъ и на лошадяхъ и на ослахъ. А кругомъ куда ни взглянешь—чудные виды.

Рущукъ—городъ чисто-азіатскій: кривыя узенькія, страшно грязныя улицы, массы лавокъ, похожихъ болѣе на чуланы, и вездѣ, куда ни посмотришь—чалмы, куртки, шаровары, фески, трубки, халаты.

Молодые турки смотрятъ съ любопытствомъ, старые дѣлаютъ видъ, что они васъ не замѣчаютъ; женщины въ покрывалахъ и широкихъ шальварахъ, попадались и турецкіе солдаты, и странно было видѣть, какъ они отдавали намъ честь.

Болгаре встрѣчаютъ съ сіяющими лицами.

Много зданій разбитыхъ, брошенныхъ, запертыхъ.

Въ Рущукѣ мы заѣхали только въ турецкую баню, а потомъ отправились черезъ Журжево въ Бухарестъ.

21 февраля 1878 г.

Вчера вечеромъ князь Р* вернулся изъ Рущука и сообщилъ, что 19 февраля подписанъ миръ!

24 февраля мы выступаемъ изъ Карахаджили, идемъ въ село Камарлы, расположенное внутри четыреугольника крѣпостей (между Рущукомъ, Силистріей, Варной и Шумлой), пробудемъ въ походѣ 5 дней.

Ходятъ слухи о скоромъ прекращеніи переправы у Петрошанъ, фуражъ подходитъ къ концу; въ деревняхъ, по эту сторону Рущука, уже достать ничего нельзя, и перемѣна стоянки прямо необходима.

24 февраля 1878 г.

Уже высланы впередъ квартирьеры, фуражиръ и кухня, но мы сами выступаемъ завтра, такъ какъ начальникъ дивизіи—генералъ Винбергъ, по просьбѣ князя Р*, разрѣшилъ намъ соединить два перехода въ одинъ.

Гагале, 28 февраля 1878 г.

По новому приказу, мы 26 февраля взамѣнъ Камарлы перешли въ село Гагале въ 12 верстахъ отъ Рущука, по дорогѣ къ Силистріи.

Богатѣйшая деревня, прекрасныя квартиры и конюшни; масса фуража и болгаре сами приходятъ съ предложеніемъ продавать не только ячмень, но и сѣно; лучшей стоянки для поправленія лошадей нельзя не желать. Болгаре какіе-то хорошіе, радушные,—не въ примѣръ лучше, чѣмъ въ Карахаджали.

1 марта 1878 г.

Значительная часть выгодъ теперешней стоянки ухнула: полученъ приказъ отъ Дундукова — брать фуражъ отъ интендантскихъ складовъ въ Рущукѣ и для этого придется гонять лошадей. Какъ жаль, что этихъ складовъ не было тогда, когда именно въ нихъ была необходимость; когда за фуражемъ приходилось въ непогоду посылать несчастныхъ лошадей за 25—30 верстъ.

Сегодня утромъ комичная сцена: Джурбаджа (староста или старшина) принесъ командиру въ подарокъ 50 яицъ, какъ сборъ съ деревни.

9 марта 1878 г.

Мы стоимъ, точно и не знаемъ ничего—что съ нами будетъ и когда и куда пойдемъ. Одно изъ моихъ опасеній разсѣялось: нашъ корпусъ (12-й) не останется на оккупацію.

Отпуски въ Россію еще не разрѣшены.

Сегодня утромъ вдругъ, послѣ восхитительной погоды, выпалъ снѣгъ. А между тѣмъ въ концѣ февраля были фіалки.

2 апрѣля 1878 г.

За послѣднее время мы получили недостающихъ лошадей, поправили аммуницію, обмундировку—вообще готовимся къ походу.

Но будь, что будетъ, но лишь бы только скорѣе опредѣлилось, что именно—война или миръ!?

10 апрѣля 1878 г.

Бываетъ такое время, когда браться за перо тяжело и теперь именно такое время—полная неизвѣстность—ничего не знаешь и не видишь на два шага.

25 апрѣля 1878 г.

Вотъ и праздники кончились, а мы все еще въ Гагале; на дняхъ прошелъ слухъ, что насъ двинутъ къ Яссамъ, кажется, для занятія какихъ-то проходовъ. По газетамъ такая путаница, что рѣшительно ничего не понимаешь, но кажется, скорѣе война, чѣмъ миръ.

Гагале, 25 мая 1878 г.,

Все уже уложено. Завтра выступаемъ къ Силистріи, откуда къ югу въ Деліарманскій лѣсъ.

Завтра утромъ въ 8 часовъ трубачъ заиграетъ:

„Всадники други, сѣдлайте коней,
съ бодрымъ духомъ въ походъ собирайтесь“.

26 мая 1878 г.

Въ 7 часовъ утра былъ уже на ногахъ; на дворѣ сѣдлали лошадей, денщики собирали вещи, и комната скоро приняла совершенно нежилой видъ.

Вчера, сегодня и завтра у болгаръ большой праздникъ, въ село пришли дѣвушки и парни со всѣхъ окрестныхъ деревень и сегодня собирается большой джогъ. „Чего вамъ сегодня уходить? Уходите въ недѣлю!“ пренаивно убѣждаютъ хозяева; они всѣ дома и собираются насъ провожать. Денщикъ пришелъ меня звать въ другую комнату, занимаемую Рогожинымъ и Леоновымъ, тамъ я засталъ на большомъ блюдѣ зажареннаго барана, три курицы и вино—все это было принесено намъ хозяиномъ.

Во флигелѣ на балконѣ были всѣ болгаре, я высматривалъ Тривану, ее тамъ не было, я нашелъ ее въ сосѣднемъ сарайчикѣ; она молча стояла, при видѣ меня она противъ обыкновенія не убѣжала, не убѣжала и тогда, когда я подошелъ и тихонько обнялъ ея стройную гибкую талію...

Пріѣхалъ фургонъ за вещами, торопились укладывать, болгаре помогали денщикамъ таскать чемоданы, нужно было спѣшить.

Трубачъ играетъ уже сборъ.

Я, Р* и Л* стояли на улицѣ около фургона; изъ сосѣдняго дома вышелъ болгаринъ безъ шапки, въ рукахъ у него была бутылка водки и три маленькихъ пучка цвѣтовъ; мы взяли цвѣты.

— Мнѣ жаль оставлять Ваше село: привыкъ къ Вамъ, сказалъ я.

— И намъ жаль: Вы много добрые люди, отвѣчаетъ мнѣ.

Облобызались съ нимъ, облобызались съ хозяевами и сѣли на коней.

Батарея проходила черезъ село, впереди ѣхали пѣсельники, запѣвало тонкимъ теноромъ выводилъ:

„Разсказать ли вамъ, ребята,
Про солдатское житье.
. . . .

Три полушки въ день—
Куда хочешь, туда и дѣнь!"
. . . .

По пути высыпала масса болгаръ съ обнаженными головами, массы дѣвушекъ, парней въ ихъ пестрыхъ костюмахъ, все это составляло красивую картину; вотъ мы уже прошли и площадь—обычное мѣсто праздничныхъ танцевъ (джогъ), большая толпа болгаръ безъ шапокъ провожала насъ за село, со всѣхъ сторонъ слышны были разныя пожеланія. Князь Р. ѣхалъ впереди батареи и ему поднесли большой букетъ, а еще раньше къ нему являлась депутація отблагодарить за хорошее отношеніе солдатъ къ жителямъ. Мы были первые русскіе, которые стояли въ Гагале и простояли мы здѣсь три мѣсяца.

Гагале осталось на вѣки позади насъ, а впереди вилась дорога и на насъ надвигались новыя впечатлѣнія и новыя событія.

Слѣпово, 27 мая 1878 г.

Нашъ теперешній походъ просто пріятная прогулка: люди и лошади отдохнули, настроеніе духа бодрое, погода чудная, мѣстность живописная, дороги прекрасныя, на половинѣ перехода остановка минутъ на двадцать, князь угощаетъ насъ легкимъ завтракомъ и прекраснѣйшимъ виномъ. Нашъ милѣйшій докторъ Кондрацкій—образованнѣйшій человѣкъ не только спеціально, но и литературно, говоритъ, что послѣ стакана хорошаго лафита горизонтъ расширяется и все получаетъ розовую окраску.

Сегодня мы въ Слѣповѣ. Какой контрастъ, Гагале и Слѣпово!

То было красивое, чистое богатое болгарское село, а это бѣдное, грязное неустроенное татарское. Здѣшніе татары переселенцы изъ Крыма временъ Севастопольской кампаніи. Мой хозяинъ, добродушный татаринъ, весь день просидѣлъ на порогѣ своего гарема, т. е. женской половины дома, весь день не выпускалъ трубки изо рта. Въ Слѣповѣ я видѣлъ только одну женщину безъ покрывала и то старуху; она была по истинѣ ужасна: волосы, заплетенные въ нѣсколько косичекъ, выкрашены въ ярко оранжевый цвѣтъ, часть пальцевъ и ногти въ желтый.

Туркъ-Эсмиль, 28 мая 1878 г.

Сегодня мы въ большомъ благоустроенномъ турецкомъ селѣ Туркъ-Эсмиль.

Мнѣ была отведена квартира вмѣстѣ съ Хоменко въ очень чистомъ дворѣ, обнесенномъ высокимъ вымазаннымъ глиной плет-

немъ; насъ встрѣтилъ хозяинъ—красивый турокъ, лѣтъ за 40, Мехеметъ, съ окладистой черной бородой съ неизмѣнной трубкой во рту и плавными медленными движеніями, исполненными чувства сознанія собственнаго достоинства.

— Селямъ-алейкюмъ! привѣтствовалъ онъ насъ и медленно пошелъ указать намъ квартиру. Изъ коридорчика мы взошли въ комнату съ большимъ очагомъ, а оттуда въ отведенное для насъ помѣщеніе. Здѣсь около одной изъ стѣнъ шла длинная скамья, около печки въ углу было отгорожено помѣщеніе для омовенія; весь полъ былъ покрытъ чистыми циновками; въ комнатѣ стоялъ сильный запахъ отъ пучковъ розъ, украшавшихъ потолокъ и стѣны. Эти цвѣты и пяльцы съ начатой работой показывали, что намъ турокъ отдалъ женское помѣщеніе, свою же семью онъ перевелъ въ небольшую лѣтнюю пристройку во дворѣ.

Явился Мехеметъ съ нѣсколькими продолговатыми подушками и мягкими подстилками въ родѣ одѣялъ; все это онъ разостлалъ на циновкахъ и жестомъ пригласилъ насъ располагаться, самъ же усѣлся на скамьѣ. Онъ сидѣлъ, молчалъ и курилъ, мы же усталые лежали, молчали и ждали вещей. Принесли вещи, и денщики стали приготовлять постели. Мехеметъ чрезвычайно удивился, увидя, какъ, повидимому, изъ простой доски вышла кровать, инструментъ, который онъ, вѣроятно, въ жизни своей ни разу не видалъ, улыбнулся, медленно поднялся, медленно собралъ подушки и медленно ихъ вынесъ.

Въ теченіе дня Мехеметъ—очень симпатичный человѣкъ—поминутно приходилъ къ намъ и каждый разъ пытался завести разговоръ. Мы вооружались безтолковымъ „переводчикомъ“ (словаремъ), турокъ—терпѣніемъ, и начиналась головоломная работа: разыщешь съ трудомъ что-нибудь, измучишь турка и, наконецъ, заставишь его понять, но, увы, начинается часть работы гораздо болѣе трудная нужно же и его понять, но въ концѣ концовъ, какъ это ни странно, мы какъ-то столковались, правда, нужно сознаться, что о глубокихъ матеріяхъ мы съ нимъ не толковали. Пили чай и его угощали, навалили сахару больше, чѣмъ чаю, пришлось ему очень по вкусу, видимъ, что половину стакана выпилъ, а остатокъ куда-то несетъ.

— Нердэ? (куда).

Показываетъ рукой на пристройку, гдѣ ютится семья.

— Бурда аврэтъ кызъ (здѣсь жена и маленькая дочь). Мы его заставили выпить свой стаканъ и налили для жены и дочери, чѣмъ онъ остался очень доволенъ. Вечеромъ онъ принесъ намъ двѣ маленькихъ тарелочки съ кушаньемъ и хлѣбъ; въ одной изъ тарелокъ была яичница (кайгана), а въ другой что-то непонятное, темное и жид-

кое. Когда отъ яичницы слѣдовъ не осталось, то мы ему объяснили, что не знаемъ, какъ ѣсть второе блюдо, тогда онъ отломилъ маленькій кусокъ хлѣба и, обмакнувъ его въ жидкость, съ любовью понесъ ко рту; видно было, что это лакомое блюдо; оказалось, что это медъ, приготовленный съ виноградным сокомъ, который ему сообщалъ кисленькій вкусъ, для насъ это была вещь нестерпимая, но изъ приличія мы ѣли и поблагодарили.

— Леззети, эффенди, шюкурлеръ, т. е. вкусно, хозяинъ, благодаримъ!

Вечеромъ мы отправились къ сосѣдямъ по квартирѣ—здѣсь при свѣтѣ фонарей, весело ужинали въ хорошенькомъ садикѣ, окружавшемъ домъ турка. Здѣсь же сидѣли хозяева дома: одинъ старикъ, другой помоложе.

Старика я назвалъ ак-сакалъ (бѣлая борода), что видимо было ему пріятно.

Застали тенденціозный разговоръ: наши все выспрашивали турокъ объ ихъ отношеніяхъ къ болгарамъ, начинали издалека.

— Хорошъ татаръ?

— Хорошъ, отвѣчаетъ турокъ.

— Хорошъ черкесъ?

— Э, чокъ (очень) не хорошъ.

Черкесъ, вообще, никто не любитъ.

— А болгаръ хорошъ?

— Не знаемъ, отвѣчаетъ политично ак-сакалъ, но продолжаютъ приставать, турокъ помоложе не выдерживаетъ и говоритъ: не хорошъ твой болгаръ!

Афлаторъ, 4 іюня 78 г.

1 іюня, послѣ 7 дней похода, мы вмѣстѣ съ другими частями нашей дивизіи остановились на бивуакѣ около Силистріи.

Здѣсь была получена телеграмма расположить дивизію подлѣ Силистріи и насъ вмѣстѣ съ Стародубовскимъ драгунскимъ и Бѣлгородскимъ уланскимъ полками перевели въ большое болгарское село Афлаторъ, верстахъ въ 20 къ югу отъ Силистріи.

Наша остановка имѣетъ, вѣроятно, связь съ собравшимся въ Берлинѣ конгрессомъ—вѣроятно, выжидаютъ, какой оборотъ примутъ дѣла, и, въ случаѣ удачнаго хода переговоровъ, можетъ быть насъ отсюда же двинутъ въ Россію.

Кале-Петрово, 24 іюня 78 г.

Переходъ нашъ въ Кале-Петрово совершился замѣчательно неожиданно: 22 іюня въ 5 часовъ утра получено приказаніе сосредо-

точить въ тотъ же день всю дивизію у Силистріи. Въ тотъ же день послѣ обѣда вышли и стали бивуакомъ у села Кале-Петрово, верстахъ въ 4 отъ Силистріи. Говорятъ, будто бы что-то вышло между румынами и 11 корпусомъ, стоящимъ въ Румыніи; командующій войсками телеграфировалъ генералу Тотлебену и въ то же время генералу Ванновскому (командиру нашего корпуса); генералъ же Ванновскій на всякій случай распорядился сосредоточить дивизію у Силистріи, но, кажется, черезъ-чуръ погорячились и, вѣроятно, насъ въ Румынію не поведутъ, и теперь уже гусаръ и казаковъ послали на старыя мѣста; насъ же съ драгунами и уланами поставили въ селѣ Кале-Петрово.

Силистрія, 26 іюня 78.

Цѣлой компаніей верхами мы отправились въ Силистрію. Трудно себѣ даже представить, что такое теперь Силистрія въ нравственномъ отношеніи! Это уже не Бухарестъ съ его легкой, веселой, но пустой жизнію, а это сплошная непролазная грязь. То, что мы застали, можно объяснить себѣ только тѣмъ, что здѣсь непрерывно проходятъ новыя толпы людей, людей физически здоровыхъ, но усталыхъ нравственно, оторванныхъ отъ обычныхъ условій жизни, лишенныхъ всякихъ умственныхъ, здоровыхъ развлеченій и истомленныхъ неопредѣленностью положенія.

Мы остановились у „Сашки"—это добродушное и взбалмошное существо—давнишняя подруга К—ва, офицера нашей дивизіи, она открыла здѣсь, въ Силистріи, недалеко отъ крѣпостныхъ воротъ гостиницу, гдѣ обыкновенно и останавливаются многіе офицеры нашей дивизіи.

Изъ общей залы открываются двери въ номера; они всѣ были заняты, и Сашка уступила мнѣ съ товарищемъ собственную комнату, гдѣ стояла широкая кровать, масса бутылокъ съ пивомъ и цѣлая бочка съ „Пиперомъ" (шампанское). Въ залѣ много народу, крики „пиво, вино, бифштексы" раздавались со всѣхъ концовъ, а въ углу 4 бродячихъ музыканта напиливаютъ румынскую пѣсню „ма юбешти, спуни да". Сашка не въ духѣ, одѣта она въ юбку и ночную кофту, поднимается съ мѣста, какъ вихрь, летитъ, поворачиваетъ за плечи первую скрипку и выталкиваетъ всѣхъ музыкантовъ; на ихъ смуглыхъ, потертыхъ униженныхъ лицахъ написана просьба: „дай же собрать галаганы (су)", но она ихъ гонитъ, и скоро они уже на улицѣ, идутъ дальше. А на улицѣ у дверей стоитъ большой инструментъ, темная личность играетъ на клавикордахъ, толстая дѣвушка въ большой шляпѣ собираетъ галаганы у собравшейся толпы, а толпа смотритъ на кувырканія мальчика на разостланномъ на улицѣ красномъ платкѣ.

Въ залѣ жуютъ, пьютъ и смотрятъ, какъ, войдя сюда, мальчикъ раскладываетъ среди столовъ на полу свой неизмѣнный красный платокъ и, ставъ на руки, показываетъ худенькія жалкенькія ноги, обтянутыя изъ экономіи какой-то холстинкой.

— Бифштексъ,—кричатъ,—сколько разъ говорить!

— Сейчасъ! слышится въ отвѣтъ, и лысый кельнеръ съ блюдомъ ловко проскальзываетъ между столомъ и акробатомъ, но, о ужасъ! мальчикъ дѣлаетъ сальто-мортале и блюдо летитъ въ сторону, мальчикъ сконфуженъ, публика смѣется, смѣется и Сашка, и первая же бросаетъ ему подачку. А тутъ изъ одного изъ номеровъ несутся крики: „Ah, mon Dieu! Mes trois louis!

Изъ дверей въ растерзанномъ видѣ выходитъ румынка и увѣряетъ, что у ней украли три полуимперіала и тутъ же разсказываетъ, какъ у ней составилась эта сумма, и что пропажу она обнаружила, когда захотѣла спрятать въ сакъ стопку свѣженькихъ серебряныхъ рублей.

Сашка грозитъ послать за полиціей.

Вечеромъ мы пошли бродить по городу.

По Дунаю быстро идетъ ярко освѣщенный пароходъ, съ него доносятся звуки музыки. Тяжелыя крѣпостныя ворота заперты. Часовые ходятъ по валу, перекликаясь время отъ времени, на улицахъ темно, единственное освѣщеніе—это свѣтъ изъ различныхъ отелей, ресторановъ, по-просту кабаковъ, въ которые превратились небольшіе некрасивые дома главной улицы. Попадаются кучки военныхъ, вечеромъ больше никого не видно. Нѣсколько арабаджи (извозчиковъ), подремывая, сидятъ на козлахъ своихъ старыхъ, уродливыхъ фаэтоновъ, запряженныхъ какими-то клячами въ оборванной упряжи. Со всѣхъ концовъ несутся звуки музыки; вездѣ играютъ. Играетъ и полковой оркестръ, по-солдатски отбивая тактъ, играютъ проѣзжіе музыканты изъ Рущука. Доносится тоже „Ма юбешти, спуни да“. Играютъ нѣмецкіе женскіе оркестры со своимъ неизмѣннымъ „Kleine Postillon“. Гдѣ-то вопятъ „Не брани, моя родная“.

Вдругъ среди всего этого гама вы слышите какіе-то звуки, не то органа, не то фортепіано. Звуки все ближе и ближе, вотъ они равняются съ вами, и вы видите, какъ идетъ какой-то человѣкъ въ шляпѣ, весь согнувшись, на его спинѣ родъ органа, а сзади идетъ другой и играетъ на этомъ движущемся инструментѣ, онъ не останавливается и идетъ дальше до конца улицы, а тамъ вѣроятно свернетъ въ другую, и все будутъ раздаваться тѣ же звуки.

Говорятъ, что нужно посмотрѣть „Московскій Казино". Входимъ черезъ билліардную; въ углу сидитъ толстая, пожилая, добродушная нѣмка, съ нею двѣ полныхъ, молодыхъ нѣмки. На лицахъ у всѣхъ у нихъ написано: „намъ ни скучно, ни весело, мы сыты и навѣрно будемъ сегодня ужинать". Это музыкальная семья—арфянки, пріѣхавшія изъ Журжева. Съ ними какой-то зелено-желтый молодой человѣкъ, не то онъ хромой, не то косой, что-то неладно, это неудачникъ въ музыкѣ, зарабатывающій теперь кусокъ хлѣба тяжелымъ трудомъ. Изъ дверей—маленькій садикъ, тамъ гремитъ полковой оркестръ, всѣ столики заняты, нигдѣ не найти мѣста, вездѣ пѣхотные офицеры, военные чиновники, и все это перемѣшалось почти въ равной пропорціи съ женщинами, даже не двусмысленными. За столикомъ ужинали пять знакомыхъ уланъ, съ ними хорошенькая совсѣмъ молоденькая дѣвушка съ ужасно глупымъ лицомъ, она не понимаетъ, что говорятъ кругомъ нея, ею мало интересуются и если обращаются къ ней, то на такомъ странномъ „діалектѣ", что она, несмотря на привычку, невольно протягиваетъ руку къ ущипленному мѣсту. У столика сидятъ отдѣльно 4—5 дѣвушекъ, около нихъ прохаживаются нѣсколько очень скромнаго вида офицеровъ, одинъ изъ нихъ покупаетъ у разносчика (они всегда и вездѣ) пару чулокъ, дѣлаетъ подарокъ, и общее знакомство устанавливается. За другимъ столикомъ разсматриваютъ карточки нецензурнаго содержанія, тутъ перемѣшаны фотографіи: турецкаго султана, императоровъ, голыхъ женщинъ, эротическихъ позъ и т. п.

Вездѣ пиво и вино, вездѣ тотъ же „діалектъ", вездѣ кепи и фуражки и только нѣсколько серьезныхъ фесокъ.

Одному изъ нашей компаніи нужно было позаботиться достать себѣ комнату, что не совсѣмъ было легко. Въ нѣсколькихъ гостиницахъ, куда мы ни заходили, въ номерахъ было поставлено по нѣсколько кроватей, и всѣ онѣ были заняты. Насъ направили въ меблированныя комнаты вблизи „Сашки"; мы вошли со двора черезъ корридорчикъ и очутились въ большой комнатѣ съ тремя постелями, съ грязнымъ бѣльемъ, здѣсь же стоялъ непокрытый столъ съ закуской, сидѣли двѣ женщины въ однѣхъ юбкахъ и хозяинъ меблированныхъ комнатъ—болгаринъ. Пока мы объяснили цѣль прихода, въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ—отворяли дверь, и кто-то уходилъ, черезъ секунду на порогѣ показалась дебелая женщина съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, она прошла къ столу, поставила подсвѣчникъ, положила въ мѣшечекъ кучку серебра, которую держала въ рукѣ, протянула 2 фр. хозяину и сказала: „за

номеръ", затѣмъ взяла съ тарелки большой кусокъ рыбы и, очищая ее пальцами, стала ѣсть и посматривать на всѣхъ исподлобья.

Мы отправились искать дальше.

Рано утромъ я проснулся, вышелъ въ залу посмотрѣть, что дѣлаетъ Л—скій. Вчера ему не удалось найти номера, и онъ улегся въ столовой, на скамьѣ. Здѣсь же въ залѣ на скамьѣ устроилась и „Сашка".

Въ залѣ я засталъ Ш—да и С—ва; оба приставили столикъ къ двери номера, занятаго Л—вымъ; смотрѣли въ стекло, въ верху двери, и хохотали. Л—каго нигдѣ не было; въ одномъ изъ номеровъ дверь была пріотворена. Ш—дъ ее толкнулъ, и я черезъ открывшуюся дверь увидѣлъ удивительную сцену: на кровати, вытянувшись во весь свой гигантскій ростъ, черной бородой къ верху, лежалъ Л—скій и рядомъ съ нимъ какой-то штатскій. Вѣроятно, шумъ отворенной двери разбудилъ ихъ, оба открыли глаза и съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга.

— Честь имѣю рекомендоваться—ротмистръ Л—скій, говоритъ Л—скій, обращаясь къ сосѣду. Оказалось, что ночью ему стало нестерпимо тяжело спать на деревянной скамьѣ и онъ вошелъ въ первый попавшійся номеръ, и улегся на кровать рядомъ съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ.

Л—овъ, такой чистоплотный и ригористъ въ личной жизни, когда узналъ о продѣлкѣ Ш—дъ и С—ва, былъ очень сконфуженъ: „да помилуйте, господа", оправдывался онъ: „что же было дѣлать, когда нельзя было найти свободнаго номера!"...

Кале-Петро, 1 іюля 1878 г.

Познакомился съ моими хозяевами: отецъ высокій красивый мужчина, жена худенькая, вѣчно молчаливая, вѣчно за работой, два сына: одинъ еще совсѣмъ маленькій, другой симпатичный парень Великъ, девяти лѣтняя скромненькая, тихенькая дочь Николина.

Хозяинъ попался очень разговорчивый: какъ только узналъ, что я не только не держу себя съ нимъ свысока, но даже ищу случая поговорить съ нимъ, самъ сталъ заходить ко мнѣ.

Сядемъ, закуритъ трубку и начинаетъ разговоры о хозяйствѣ, о сходствѣ болгарскаго языка съ русскимъ, вспоминаетъ о томъ времени, когда онъ былъ еще совсѣмъ молодымъ, когда „Царь Николай"

привелъ сюда своихъ „уланъ“, и какъ ему нравились ихъ „уборы“, тогда русскіе стояли по одну сторону села, а турки по другую.

Въ прошломъ году онъ собралъ съ „Нивки“ 60 „крищицъ“ (копна); изъ нихъ 6 пошли туркамъ, изъ остальныхъ же онъ вымолотилъ около 9 „килъ“ (примѣрно 36 четвертей). Я его спросилъ, у всѣхъ ли такъ по многу?

— Нѣтъ, есть много, кои имутъ по-малку! А вотъ, когда былъ живъ его отецъ—тотъ былъ „много богатъ“: собиралось по 400 „крищицъ“; одинъ годъ былъ даже выбранъ „джорбаджіемъ“.

Теперь же семь братьевъ раздѣлились и живутъ по-близости въ отдѣльныхъ домахъ. Во время нашей войны приходятъ въ село изъ Силистріи 4 заптія (жандармы) и 1 чаушъ (урядникъ) и говорятъ, что приказано взять съ села 120 лошадей съ повозками:— хочешь дать или не хочешь? спрашиваетъ джорбаджія.

Но какъ сказать, что не хочешь?

Джорбаджій и отвѣчаетъ:

„Мы—булгаре! Мы не знаемъ русскаго Царя. Мы тутъ родились—мы знаемъ только Султана!“

Взяли, увели лошадей. Черезъ нѣсколько дней приходятъ за баранами—взяли 2.000 штукъ и говорятъ:

„Вотъ молите Бога, чтобы русскихъ прогнать—три года тогда ничего съ васъ не будемъ брать!“

Очень расхваливаетъ уже умершаго Ибрагима-пашу — отецъ Махмудъ-бея (въ Афлаторѣ).—Самъ паша жилъ въ Силистріи, а въ имѣніи его близъ Кале-Петро работали, конечно, безплатно болгаре изъ Кале-Петро.

Онъ объяснилъ, что, именно, благодаря Ибрагиму-пашѣ, они въ 1854 г. спокойно остались на мѣстѣ послѣ ухода русскихъ.

— Отчего же вотъ изъ Афлатора ушли?—Афлаторъ далеко— тамъ и боялись турокъ—оттого и ушли.

Когда Махмудъ-бей захватилъ землю въ Афлаторѣ, то паша „гонялъ“ туда болгаръ изъ Кале-Петро для обработки полей, пока не возвратились болгаре изъ Россіи.

— Чѣмъ же онъ тебѣ особенно нравится? спросилъ я.

— Много хорошъ Ибрагимъ-паша!

— Что же онъ сдѣлалъ хорошаго?

Болгаринъ снялъ со стѣны мою нагайку и, взмахнувъ ею нѣсколько разъ, сказалъ:

— Много плетокъ побилъ на болгаръ и на турокъ: не губово (не хорошо) правятъ, и біетъ!“

Теперь у меня иногда собирается большое болгарское общество: приходитъ хозяинъ, писарь—Добрій-Киріакъ и учитель Нейку Великовъ. Учитель и писарь, оба изъ Шумлянской школы, славные здоровые парни лѣтъ по 25. Толкуемъ о школахъ, о бывшемъ въ Филиппопольскомъ округѣ возстаніи, закончившемся такой страшной рѣзней, о народныхъ герояхъ. Приносили мнѣ стихи о подвигахъ „Тоти",—извѣстный гайдамакъ Хитовъ Панайотъ, дѣйствовавшій въ 66—67 г. Эти стихи конечно были строго запрещены турецкимъ правительствомъ; но, говорятъ, несмотря на это, врядъ ли есть село, гдѣ бы не было хотя одного списка; говорили, что въ этомъ районѣ было немыслимо никакое возстаніе: такъ, здѣсь, изъ 365 селъ только 65 чисто болгарскихъ; тогда какъ тамъ, гдѣ возникали возстанія, напримѣръ въ Габровѣ—на одно турецкое село приходилось 15 болгарскихъ.

Нѣкоторыя изъ пѣсенъ:

Балканская пѣсня.

Смѣйся надъ нами ты, гордый балканъ,
Залейся, листва̀;
Болгаринъ какъ зарѣзанный
Не говоритъ ни слова,
Онъ забылъ, чѣмъ онъ былъ
Сколько времени онъ гордился
Своимъ Царемъ—Крумомъ.
Не довольно ли, столько времени терпѣть:
Пойдемъ поскорѣе
Съ нашими родичами,
Они бьются и проливаютъ кровь,
А нашъ левъ глубоко заснулъ въ долинахъ;
Говорятъ, что есть воздухъ за Балканами,
Но къ сожалѣнію не слыхалъ,
Чтобы была свобода.
Онъ какъ-будто привыкъ,
Чтобы мы шумнымъ крикомъ гнались за свободой.
Болгаринъ, что ты спишь!
Нѣтъ ли у тебя остраго ножа?
Вчера государя имѣлъ, а сегодня его потерялъ;
Твоя слава—острый мечъ,
А твоя жизнь лютая борьба:
Довольно тебѣ спать.

Хаджи[1]) Димитрій[2]).

Живъ еще, живъ тамъ на Балканахъ,
Облитъ кровью, лежитъ и вздыхаетъ
Молодецъ молодой въ силѣ юношеской.
На одну сторону бросилъ ружье,
На другую саблю, пополамъ сломанную.
Въ глазахъ темнѣетъ, голова кружится
И проклинаетъ всю вселенную.
Лежитъ молодецъ, а на небѣ
Солнце остановилось, сильно печетъ.
Кузнечикъ поетъ гдѣ-то въ полѣ,
А кровь все сильнѣе течетъ.
Жатва теперь, пойте, рабыни,
Эти грустныя пѣсни, грѣй и ты, солнце,
На этой рабской землѣ погибнетъ
Этотъ молодецъ и ты, сердце, не бейся.
Тотъ, кто упадетъ въ бою за свободу,
Тотъ не умираетъ: его жалѣютъ
Земля и небо, звѣрь и природа,
И пѣвчіе пѣсни для него поютъ.
Днемъ тѣнь ему наводитъ орлица,
А волкъ лижетъ тяжелую его рану,
Надъ нимъ соколъ, молодецкая птица,
И она за брата за молодца тужитъ.
Настала ночь, мѣсяцъ появился,
Звѣзды обсыпаютъ небесный сводъ.
Лѣсъ зашумитъ, вѣтеръ подуетъ,
Балканъ запоетъ повстанческую пѣснь,
И русалки въ бѣломъ одѣяніи
Чудныя, прекрасныя пѣсни запоютъ;
Легко ступаютъ по зеленой травѣ
И къ молодцу придутъ, присядутъ.
Одна ему травою рану перевязываетъ,
Другая поливаетъ холодной водой,
Третья въ уста быстро поцѣлуетъ,
А онъ на нее смотритъ, улыбаясь.

---

[1]) Хаджи—Паломникъ.

[2]) Предводитель четы, въ 60-тыхъ годахъ палъ при сраженіи около с. Казани Сливненскаго округа.

Скажи мнѣ, сестра моя, гдѣ Караджа[1]),
Гдѣ моя преданная дружина?
Скажи мнѣ, а потомъ возьми душу.
Я хочу, сестра моя, здѣсь умереть.

Не легко было мнѣ составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о налогахъ и о способахъ ихъ взиманія. Было три рода налоговъ:

1) „*ошуръ*"—десятая часть собраннаго съ полей хлѣба, напр. въ прошломъ году въ Гаргалѣ было взято 220 килъ пшеницы
70 „ ячменя и
50 „ кукурузы.

2) „*за колпакъ*"—денежный налогъ, замѣнявшій собой воинскую повинность. Такъ, съ Кале Петрово назначено было платить въ годъ „за колпакъ" 20.000 грошей. Въ Гаргалѣ платили „за колпакъ" 12.500 грошей (т. е. 625 р.)

и 3) *имлякъ*—тоже денежный налогъ, о которомъ потомъ.

Наибольшія затрудненія представлялъ сборъ „ошура".

Къ 15 іюля въ Кале Петрово пріѣзжалъ изъ города сборщикъ—„меймуръ", въ сопровожденіи 4—5 помощниковъ.

Меймуръ долженъ былъ собрать съ четырехъ селъ; самъ онъ оставался въ главномъ селѣ Кале Петровѣ, а помощниковъ посылалъ въ меньшія села.

Все время меймуръ жилъ у одного болгарина, кормили же его всѣ по очереди; жилъ такъ онъ до августа—пока всѣ не окончатъ жать.

„Хотя бы только одинъ еще не окончилъ жать — нельзя считать!"

Начинается счетъ „крыщицъ" — въ каждой изъ нихъ должно быть совершенно опредѣленное число сноповъ; считаетъ недѣлю — если же дождь, то и 10 дней.

„Пока считаетъ „крыщицы", то ничего не кушаетъ, кромѣ цыплятъ; если десятникъ принесетъ одинъ хлѣбъ, то онъ ему въ голову броситъ!"

Окончивъ счетъ въ главномъ селѣ, идетъ въ другія деревни, гдѣ его помощники—тамъ уже дѣло идетъ быстрѣе.

Пока онъ всего не пересчиталъ—хлѣба свозить нельзя; бывало такъ, что необходимо хлѣбъ свозить, приходятъ и просятъ его—„молятъ наго"—нельзя, говоритъ!

---

[1]) Степанъ Караджа—другой предводитель повстанческой четы.

Бывало и такъ: прійдетъ болгаринъ, дастъ барана, а то и курицу, онъ и пошлетъ своего человѣка пересчитать и позволитъ свезти.

Отсчитанная десятая часть крыщицъ свозится каждой деревней въ одно мѣсто, гдѣ и остается подъ надзоромъ помощника меймура; въ случаѣ пропажи отвѣчаетъ джорбаджій (староста); каждый хозяинъ долженъ вымолотить свою долю. Опять меймуръ обходитъ, промѣриваетъ весь хлѣбъ и говоритъ — куда его свозить, сами же болгаре его и свозятъ либо въ ближайшій большой городъ, либо къ порту.

— Что же такое „имлякъ"?

— Платилось за домъ, за нивку, за скотъ, „за всички" платилось!

Въ мартѣ (новый годъ) пріѣзжалъ турецкій „писарь" и, обходя всѣ дома съ джорбаджіемъ, опредѣлялъ размѣръ налога съ каждаго двора: за домъ, смотря по размѣру, налогъ былъ отъ 2 до 5 франковъ; при опредѣленіи налога съ земли происходилъ разговоръ: спрашивается—сколько нивки?

— Можетъ будетъ 60 дэлюмовъ [1]).

— А можетъ и еще есть?

— Нѣтъ!

За дэлюмъ платилось по 1 грошу (5 к.) и къ этому прибавлялось еще столько франковъ—въ скольких участкахъ была земля.

За 1 дэлюмъ виноградника считалось 12 галагановъ, сверхъ того считалось по 2 галагана за каждую мѣрку вина и по 1 гал. за мѣрку водки, выгнанной изъ виноградныхъ остатковъ.

Здѣсь же джорбаджій указывалъ — сколько приходится съ каждаго двора по раскладкѣ „за колпакъ".

Всѣ собранныя свѣдѣнія „писарь" передавалъ въ полицію, а она отъ себя посылала въ село три раза въ годъ заптія, который обходилъ со старостой дворы и дня въ 3—4 взыскивалъ причитающійся за треть года налогъ.

За прошлый годъ Кале-Петрово заплатило 18.000 грошей имляку, такъ что разныхъ другихъ поборовъ, сверхъ десятой части сбора хлѣба, село уплатило деньгами (за „колпакъ" и имлякъ) около 3.000 р.

Въ Гаргалѣ, напримѣръ, было уплачено имляка: 6.500 грошей.

[1]) Дэлюмъ—40 шаговъ въ длину и столько же въ ширину.

Афлаторъ. Іюль 1878 г.

Въ началѣ іюня насъ перевели обратно въ Афлаторъ.

Вчера устроили пикникъ въ дели-армандскомъ лѣсу, а туда, далеко въ глубь лѣса, ходили два эскадрона и привели сегодня оттуда партію баши-бузуковъ; уланы, узнавъ, что баши-бузуки перешли чрезъ демаркаціонную линію, охотились за ними цѣлую недѣлю. Шумла уже очищена, не знаю относительно Варны.

Мы все еще въ Афлаторѣ.

Афлаторъ верстахъ въ 20 къ югу отъ Силистріи, нѣсколько въ сторонѣ отъ шоссе на Шумлу; въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села начинается уже опушка громаднаго делиармандскаго [1]) лѣса, тянущагося до самой Шумлы. Дальше въ лѣсу все турецкія и черкесскія села. Афлаторъ—послѣднее болгарское село по пути отъ Силистріи къ Шумлѣ. Село широко раскинуто по мелкой долинѣ съ очень отлогими скатами и побочными развѣтвленіями.

Какъ и всѣ болгарскія деревни, Афлаторъ имѣетъ очень зажиточный и благоустроенный видъ: почти во всѣхъ его 250 дворахъ тѣ же помѣстительные, крытые черепицей дома; во дворахъ различнаго рода службы, отдѣльныя конюшни, если въ домѣ нѣтъ „зимниковъ", помѣщенія для овецъ, амбары съ закромами для хлѣба. Мы застали—и это въ іюлѣ мѣсяцѣ—большіе запасы всякаго фуража, несмотря на то, что въ этомъ году селу, сверхъ уплаты податей, пришлось цѣлую зиму кормить жителей, бѣжавшихъ изъ разоренныхъ селъ Конаны и Карапелена.

Эти деревни, вѣроятно, постигла участь Пиргоса, Чифлина, Косова и др. селъ, очутившихся между двухъ огней.

У моего хозяина Пенько, еще теперь, много прошлогодняго ячменя и овса.

Среди села большая площадь; на ней паровая мельница, принадлежавшая бею Махмуду; его большой домъ, обнесенный садомъ, нѣсколько въ сторонѣ на скатѣ долины; самъ Махмудъ бѣжалъ и въ его домѣ теперь поселились начальники дивизіи и бригады. Въ селѣ имѣется церковь и большая школа. Воду доставляютъ два водоема (чесме) и 8 колодцевъ. Въ началѣ села 7 вѣтреныхъ мельницъ.

Къ вечеру, когда скотъ возвращается, невольно удивляешься

---

[1]) Названіе лѣса составное: арманда, по-турецки лѣсъ, а дели—кажется, разбойникъ.

этимъ большимъ стадамъ барановъ, овецъ, козъ, рогатаго скота и лошадей.

И это послѣ года войны и послѣ того, какъ турки взяли реквизиціоннымъ путемъ, безъ уплаты денегъ, 120 лошадей и около 2.000 овецъ!

И при томъ Афлаторъ не исключеніе; вотъ, напримѣръ, собранныя мною свѣдѣнія въ бытность мою въ Гаргалѣ, Кале-Петрово и Афлаторѣ:

	Гаргалъ.	Кале-Петрово.	Афлаторъ.
число дворовъ . . .	148	284	250
„ жит.	1 098 {м. 558, ж. 540}	2.063 {м. 1062, ж. 1001}	1.841 {м. 896, ж. 945}
буйволовъ	154	338	410
воловъ	297	987	640
мелкій скотъ . . .	185	?	186
лошадей	187	246	315
овецъ	1.504	5.374	7.525
козъ	1.066	1.296	3.233
свиней	124	255	140
вѣтр. мельн. . . .	—	18	7
вод. мельн.	3	5	—
водоемовъ	?	12	2
колодцевъ	?	6	8

Скотъ распредѣленъ далеко неравномѣрно: напримѣръ, въ Гаргалѣ изъ 148 дворовъ въ 20—вовсе не было скота, а въ Афлаторѣ на 284 дворовъ не было скота въ 40.

Въ Гаргалѣ овцеводствомъ занималось 46 дворовъ, а козъ держали въ 26 домахъ. Тоже и съ землей: напримѣръ, въ Кале-Петрово видѣлъ дворъ, гдѣ на 22 души приходилось 40 дэлюмовъ, а въ другомъ на 5 душъ—60 дэлюмовъ.

Поразительно, какъ много работаютъ женщины: смотрятъ за домомъ, готовятъ пищу, пекутъ хлѣбъ, носятъ воду, рубятъ дрова, чешутъ, прядутъ и красятъ шерсть, ткутъ ткани, шьютъ платье, занимаются вышивками; работаютъ въ огородѣ, виноградникахъ.

Болгарка занята весь день, вечеромъ приходитъ скотъ, нужно имъ заняться, кончились работы—вся семья усаживается на полу на циновкахъ вокругъ низенькаго столика, и болгарка подаетъ ужинъ.

Меня поражала всегда та правильность, однообразіе, съ которымъ исполняются работы въ селѣ: въ одинъ и тотъ же день всѣ

идутъ въ виноградники, въ одинъ и тотъ же день во всѣхъ дворахъ выставляются стойки для приготовленія нитокъ, въ одинъ и тотъ же день всѣ начинаютъ ткать—точно все это выполняется по какому-то утвержденному для всѣхъ порядку.

Въ нѣкоторые дни, по праздникамъ, вы увидите цѣлую армію дѣвочекъ, разносящихъ по селу въ маленькихъ мисочкахъ хлѣбъ, угощеніе, иногда и восковыя желтыя свѣчи:—это разсылаются угощенія къ роднымъ и знакомымъ или справляются поминки.

Пришелъ ко мнѣ Иванъ Дёминъ. Я разговорился съ нимъ по поводу полученныхъ отъ него раньше нѣкоторыхъ цифровыхъ данныхъ, говорили о перевѣсѣ числа женщинъ въ Афлаторѣ надъ числомъ мужчинъ.

— Да, у насъ въ селѣ много женъ. А все же дорого стоитъ мамичка! Дорого! повторилъ онъ. Я воспользовался случаемъ и попросилъ его разсказать подробности о свадьбѣ. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ видѣть отдѣльные моменты, но у меня не было цѣльной картины.

— Когда хлопецъ (ёргенъ), началъ онъ, намѣтитъ себѣ мамичку и пожелаетъ на ней жениться, то начинаетъ вести дѣло черезъ сватовъ. Сватъ обыкновенно пожилой болгаринъ, приходящійся сродни жениху.

Сватъ идетъ въ домъ невѣсты и начинаетъ переговоры съ отцомъ (башта); часто эти переговоры оканчиваются неудачею, если женихъ изъ бѣдныхъ, а отецъ желаетъ выдать дочь за богатаго. Если же башта сказалъ, что дѣло можетъ устроиться, то сватъ приходитъ въ другой разъ, беретъ съ собой водку, хлѣбъ, сваритъ еще что-нибудь, ну, хоть курицу и у башты ѣдятъ. Сватъ принимается съ большимъ почетомъ. Недѣлю спустя сватъ съ другими „стариками“ опять идетъ въ домъ невѣсты; но на этотъ разъ идутъ ночью и берутъ съ собой музыкантовъ, человѣкъ 3—4, играютъ на волынкѣ, на свирѣляхъ и на инструментѣ вродѣ балалайки. Женихъ при этомъ посылаетъ черезъ свата мамичкѣ деньги-желтицы, браслетъ, и еще какіе-нибудь подарки, напримѣръ, мѣдныя или серебряныя бляхи для пояса.

Потомъ эти монеты служатъ украшеніемъ и передаются отъ матери къ дочери. Приходилось иногда на праздникахъ видѣть дѣвушекъ, чуть не сплошь обвѣшанныхъ этими монетами.

— Сколько же обыкновенно даютъ?

— Разно: даютъ иногда и много!

— Но сколько ты давалъ при свадьбѣ?

— Я послалъ 50 „желтицъ“ маленькихъ (по 1 р.), 3 желтицы большихъ (вѣроятно по 5 р.) да браслеты!

— Если отецъ доволенъ подарками, продолжалъ онъ, то кричитъ: давайте водки, винца! Собираются родные (мужчины и женщины), играетъ музыка, пьютъ „винцо“, кушаютъ до свѣта. Потомъ расходятся.

Женихъ же долженъ сдѣлать невѣстѣ одежду, стоимость которой доходитъ иногда до 10 полуимперіаловъ.

За все это время женихъ въ домъ невѣсты не ходитъ и видится съ ней только у водоема (чесме), когда вечеромъ она идетъ по воду.

Но вотъ сваты переговорили, подарки отнесены, вечеринка у отца была; теперь начинается то, что у болгаръ называется „годѣшъ“—„зачатіе“ свадьбы. Начинается это со среды.

Въ среду къ жениху собираются парубки и дѣвушки; на дворѣ играетъ музыка, вокругъ устраивается „хора“—хороводъ. Вотъ трое, четверо взялись за руки и двигаются то влѣво, то вправо; но вотъ вступаютъ еще и еще новыя лица, вотъ уже образовался и большой кругъ: мамички на одной сторонѣ, а ёргени на другой, кругъ все движется то вправо, то влѣво; музыканты выдѣлываютъ свой монотонный, неуловимый мотивъ: кажется, точно побѣжали маленькія волны, но вотъ на нихъ другія, третьи и т. д., и все маленькія и не разобрать ихъ и не уловить ихъ взглядомъ. Въ домѣ приготовленъ большой, чуть не въ аршинъ въ діаметрѣ, хлѣбъ, намазанный медомъ. Старуха рѣжетъ его на тонкіе и длинные куски изъ центра; какая-нибудь женщина (булка) беретъ отъ старухи куски и раздаетъ имъ всѣмъ, а другая въ это время разноситъ и наливаетъ всѣмъ „винца“. Веселѣе пошелъ хороводъ: ишь какъ ловкій парень въ красномъ кушакѣ, въ бараньей шапочкѣ на бекрень пришлепнулъ и крикнетъ и—га!

Женщины (замужнія—булки) тоже стали въ кругъ; онѣ—всѣ въ рядъ—какъ притопнутъ вмѣстѣ, только земля загудитъ! И куда же вамъ хлопцы и дѣвушки такъ пристукнутъ? И движется кругъ то вправо, то влѣво, а внутри его ходятъ по кругу же музыканты, и маленькими волнами льется ихъ унылая пѣсня.

Въ четвергъ устраивается то же самое у невѣсты.

Въ пятницу утромъ съ 6 часовъ въ домѣ невѣсты собираются дѣвушки и „сѣютъ муку“.

На полу ставится корыто и надъ нимъ держатъ три сита, одно надъ другимъ, каждое сито держатъ по двѣ дѣвушки, въ верхнее сито сыпятъ муку, а стоящія вокругъ дѣвушки поютъ разныя пѣсни.

Закачались три сита,
Три сита шелковыя:
Они просѣяли горы и воды,
Одно лишь дерево осталось;
Подъ тѣмъ деревомъ дѣвушка и парень.
Деверь и молодуха черезъ мостъ идутъ;
Мостъ трясется отъ молодухинаго покрывала (була),
Отъ краснаго флага деверя.

———

Гдѣ его видѣла Гана (имя невѣсты)?
Видѣла его возлѣ водоема—
Я платье мыла, онъ коня поилъ!
Онъ мнѣ понравился, и я его полюбила.

———

Во время пѣнія невѣсту обсыпаютъ мукою.

Въ полдень расходятся по домамъ.

У жениха тоже собираются съ утра и дѣвушки и парни, пьютъ вино, обсыпаютъ жениха мукой, поютъ пѣсни:

Мнѣ сонъ снился; я во снѣ взволновался:
Въ субботу вечеромъ передъ воскресеньемъ;
Въ нашемъ садикѣ цвѣтутъ розы,
А на розахъ птичка поетъ,
Птичка поетъ и розу качаетъ,
Розу качаетъ и мнѣ, мамо, вѣсть подаетъ.
Мнѣ вѣсть подаетъ отъ любимой,
Отъ любимой, мамо, отъ обрученой,
Что обручилась, мамо, въ другой деревни.
Въ другой деревнѣ, мамо, за сына дяди.
А мнѣ предлагаетъ, мамо, деверемъ быть!
Какими ногами, мамо, пойду туда?
Какими руками, мамо, флагъ понесу?
Какими устами, мамо, невѣстой назову?

———

У жениха приготовляютъ изъ красной и бѣлой матеріи флагъ (байракъ), украшаютъ его цвѣтами, сухими гроздями винограда и зернами кукурузы, нанизанными на нитку, выходятъ во дворъ, устраиваютъ „хоро“ и поютъ пѣсни:

Антону мама говоритъ:
„Антонъ, сынъ мой, Антонъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ ты женихъ,
Гдѣ ты, сыночекъ, ложишься и гдѣ ты встаешь?“

Антонъ мамѣ отвѣчаетъ:
„Мама, старая мама,
Я ложусь, мама, я ложусь
Во второмъ садикѣ Станы
Возлѣ бѣлой и красной розы,
Возлѣ фіолетовой сирени!“
Мама говоритъ Антону:
„Антонъ, сыночекъ, Антонъ,
Я слыхала, люди говорятъ,
Что Стана тебѣ измѣнитъ!“
Антонъ мамѣ отвѣчаетъ:
„Мама, старая мама,
Не можетъ Стана мнѣ измѣнить:
Платокъ Станы у меня!“

Затѣмъ прикрѣпляютъ флагъ на крышу дома, „чтобы знали, что здѣсь свадьба“, и расходятся. Къ вечеру опять сходятся: родные и знакомые жениха у него, а родные невѣсты въ домѣ ея отца.

Каждый приноситъ съ собой, что можетъ: одинъ мѣрку пшеницы, другой что-нибудь жареное и т. д. Если отецъ богатый, то уже непремѣнно зарѣжетъ барана, если побѣднѣе, то дѣло обойдется и курицами, но бѣдный или богатый, а вина долженъ дать: безъ вина свадьба немыслима: вѣкъ будутъ смѣяться.

— И много же вина нужно на свадьбу!

— Но сколько же, напримѣръ, спрашиваю?

— Да мѣрокъ сорокъ, а если богатый, то и 60!

Отецъ невѣсты можетъ ограничиться мѣрками 15, но отецъ жениха меньше 40 мѣрокъ не можетъ обойтись. И женихъ и невѣста этотъ вечеръ проводятъ по домамъ въ средѣ своихъ родныхъ.

Въ субботу поздно вечеромъ женихъ идетъ къ крестному отцу, играющему, вообще, важную роль во время свадьбы. Тамъ же собираются и родные.

Все это время отъ среды до воскресенья невѣста никуда изъ дома не выходитъ; даже по воду не ходитъ; въ ея жизни это единственные три дня, когда не ходитъ по воду. Начинаютъ ходить уже съ 7, 8 лѣтъ и для дѣвочекъ имѣются особыя маленькія ведра. Съ водоемами (оксме) у дѣвушки связаны лучшія воспоминанія молодости: здѣсь происходятъ разговоры, здѣсь и начинается любовь.

Въ воскресенье женихъ въ первый разъ идетъ въ качествѣ жениха въ домъ невѣсты; его сопровождаетъ толпа народа, ѣдутъ фуры (каруцы): одна его, другая крестнаго отца, а третья родныхъ;

на одну изъ фуръ накладываютъ вино, хлѣбъ, жареное, тутъ же и сапоги—подарокъ братьямъ невѣсты.

Въѣхали во дворъ. Женихъ останавливается и молчитъ. Крестный отецъ беретъ его за рукавъ и ведетъ ко двери дома; тутъ онъ останавливается; отецъ невѣсты даетъ позволеніе войти и крестный вводитъ жениха. А невѣста стоитъ молча среди комнаты, закрытая темнымъ платкомъ (було), сверхъ него на голову надѣвается ободокъ изъ монетъ. Сестра беретъ ее за руку, обводитъ вокругъ жениха, который стоитъ все время молча, и они берутся мизинцами, онъ—правой, а невѣста—лѣвой руки.

Крестный отецъ, держась за руку жениха, выводитъ ихъ во дворъ. Въ это время во дворѣ родные жениха стоятъ съ одной стороны, родные невѣсты—съ другой; музыка играетъ и всѣ пьютъ вино. Наконецъ, отецъ невѣсты кричитъ:

— Идемъ въ церковь, хайда!

Женихъ и невѣста, держась за руки, идутъ къ фурѣ и садятся, съ ними первые дружки съ его и ея стороны, здѣсь же везутъ и флагъ; музыка играетъ, всѣ пляшутъ; подтанцовываютъ и въ большой фурѣ и свадебный поѣздъ двигается къ церкви.

Пока идетъ вѣнчаніе, на улицѣ около церкви устраиваютъ хоро.

Въ церкви передъ вѣнчающимися столикъ, на которомъ лежитъ хлѣбъ, стаканъ съ медомъ, вино и сахаръ.

По окончаніи обряда священникъ раздаетъ все это присутствующимъ.

Послѣ вѣнчанія ѣдутъ къ новобрачному.

Молодыхъ отводятъ въ особое помѣщеніе, а во дворѣ „хоро играютъ“. Тутъ уже и начинается настоящій праздникъ: пьютъ, ѣдятъ, пѣсни поютъ, кричатъ! Время проходитъ. Молодой выходитъ одинъ; въ комнату къ молодой идетъ старуха...

Послѣ возвращенія старухи пиръ принимаетъ еще болѣе шумный характеръ; пьютъ водку, прибавляютъ къ водкѣ медъ, гуляютъ далеко за полночь; стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ.

Свадьба окончена. Отца невѣсты поздравили [1]). Но теперь начинается рядъ любезностей и визитовъ. Молодой, чуть свѣтъ утромъ, посылаетъ водку крестному и роднымъ.

Родные и знакомые, съ своей стороны, съ хлѣбомъ и водкой приходятъ къ молодымъ, отцу невѣсты и крестному отцу.

Во вторникъ мужъ посылаетъ крестному отцу борщъ (чорба), вино, водку...

---

[1]) Обычай мазать ворота дегтемъ въ извѣстныхъ случаяхъ и здѣсь существуетъ.

Является музыка и этимъ оканчивается празднество. Молодая носитъ було до среды и потому называется „булкой“, т. е. накрытой.

— Такъ-то,—закончилъ болгаринъ.

— Да вѣрно и у васъ такъ,—и, не дождавшись отвѣта, продолжаетъ:

— И у насъ, такъ и у васъ, да и у турокъ есть много похожаго.

Сегодня я отправился въ школу. Училище помѣщается рядомъ съ церковью въ прекрасномъ каменномъ домѣ. Надъ входомъ надпись:

„Народно Болгарско взаимно Училище. Основано 1864 г.“

Изъ сѣней одна дверь налѣво вела въ классную, а другая—въ комнату учителя Ивана.

Была рекреація, и Ивана я засталъ въ его комнаткѣ со священникомъ, сидящими за мисочкой борща съ курицей. Передъ ними лежали куски бѣлаго хлѣба (другого въ Болгаріи нѣтъ), они отламывали кусочки, мокали въ борщъ и отправляли въ ротъ. Встрѣтили меня очень радушно, приглашали принять участіе въ обѣдѣ; священникъ вытащилъ рукой ножку курицы и предлагалъ мнѣ „сію закуску“. Я поблагодарилъ и попросилъ воды; мнѣ подали кувшинъ чудной ключевой воды.

Съ Иваномъ я уже давно былъ знакомъ. Со священникомъ же встрѣтился въ первый разъ, и онъ въ разговорѣ жаловался на свое положеніе: онъ получалъ съ каждаго двора по 1 мѣркѣ пшеницы и по 1 мѣркѣ ячменя — всего, слѣдовательно, 560 мѣрокъ, „но, говорилъ онъ: у меня старикъ отецъ, всего насъ 10 человѣкъ, а нивки (земли) нема! Когда ходили въ Россію послѣ 1854 года, землю захватилъ Махмудъ бей“.

Учитель тоже, какъ и вообще вездѣ въ Болгаріи, получаетъ натурой: квартиру и по одной мѣркѣ пшеницы со двора.

Мы съ Иваномъ отправились въ классъ — это была большая, высокая, свѣтлая комната, большія окна съ двухъ сторонъ, по 3 въ рядъ. По стѣнамъ надписи: „онаго коего ты мразишь, другому даю не правишь!“, далѣе: „Въ началѣ бѣ премудрость и страхъ Божій“, „Бойся Бога, царя чти“ и т. п.

На одной изъ стѣнъ висѣла карта Европы (Вѣнское изданіе). Поперекъ комнаты тянулись длинныя узенькія скамьи, съ такими же узенькими столиками. Въ классѣ сидѣло около 20 мальчиковъ, одѣтыхъ совершенно такъ же, какъ одѣваются и взрослые болгаре.

Въ школу начинаютъ ходить съ 7—8 лѣтъ и ходятъ—сколько вздумается: ходятъ до 12—15 лѣтняго возраста; Иванъ учился въ этой же школѣ и учился лѣтъ 8.

Когда нѣтъ полевыхъ работъ, то ходитъ человѣкъ 70, теперь же не болѣе 20—30. На передней скамейкѣ сидѣли самые маленькіе ученики; у нихъ столики были съ маленькими бортами, здѣсь былъ насыпанъ мелкій песокъ и мальчуганы выводили буквы и слова пальцами.

— Пишите „истокъ"—говоритъ учитель.

Старое быстро стирается, и мальчуганъ старательно выдѣлываетъ на пескѣ печатными буквами „истокъ".

— Западъ!—командуетъ учитель. Все вновь стирается и выводится новое слово. Я увидѣлъ знакомаго мальчика Стояна: передъ нимъ лежала краткая болгарская грамматика, и онъ усердно списывалъ заданное мѣсто въ разлинованной тетрадкѣ; другіе мальчики тоже списывали съ книгъ—кто въ тетрадки, кто на аспидной доскѣ.

Учатъ св. исторію, катехизисъ, болгарскую грамматику, болгарскую исторію, землеописаніе и ариѳметику. Учебники ниже всякой критики: преобладаетъ катехизическая форма, такъ, напримѣръ, изложена и „Исторія"; что же касается землеописанія, то это почти одинъ перечень названій.

За время пребыванія въ Болгаріи мнѣ пришлось познакомиться со многими учителями и видѣть много школъ. Учителями, по большей части, являются молодые люди изъ учительскихъ семинарій, которыя находятся въ Габровѣ, Рущукѣ, Тырновѣ и Лясковцѣ, или же, какъ Иванъ, воспитанники такихъ же народныхъ школъ, въ какихъ они потомъ сами являются преподавателями. Ни одеждой, ни образомъ жизни они не отличаются отъ народа; мнѣ только въ Бѣлѣ пришлось встрѣтиться съ учителемъ иного типа: онъ учился гдѣ-то за границей, хорошо говорилъ по-французски и ходилъ въ европейскомъ костюмѣ.

Школы стали устраиваться лѣтъ 25—30 тому назадъ, турецкое правительство никакихъ препятствій къ открытію школъ не ставитъ, и теперь вся Болгарія покрыта школами.

За время нашего пребыванія около Силистріи, я ознакомился со всѣми болгарскими деревнями, лежащими отъ Силистріи до половины дороги на Туртукай и до Дэли-Арманскаго лѣса (дальше въ лѣсу и вплоть до Шумлы — болгарскихъ селъ нѣтъ) и не нашелъ ни одного села, въ которомъ бы не было школы и церкви, а между тѣмъ здѣсь встрѣчались села и съ небольшимъ числомъ дворовъ; вотъ ихъ списокъ:

	Число дворовъ.
Афлаторъ	250
Кале Петрово	284
Кара Орманъ	100
Бабукъ	250
Гирлица	150
Канонія	90
Гергенджинъ	80
Айдеміръ	360 [1])
Среберна	120
Попкей	400
Бурчма	70
Альмали	320
Галица	60
Кучукъ Кайнарджи	90
Алифакъ	40
Караомуръ	90
Цѣтрена	70
Кадикей	40

Замѣтимъ, что первая церковь въ этой „окружіи“ была деревянная, построенная русскими въ селѣ Альмали въ 1829 году.

Современное болгарское населеніе въ массѣ неграмотное и весьма мало религіозно, образчикомъ чего можетъ служить Панасъ изъ Карахаджали. Но, вѣроятно, не далеко то время, когда все молодое поколѣніе болгаръ будетъ грамотно.

На одной изъ стѣнъ я замѣтилъ какіе-то большіе листы, прибитые гвоздиками — это были воззванія высшаго болгарскаго духовенства. Содержаніе ихъ было такъ интересно, что я попросилъ позволеніе взять ихъ себѣ и въ рукахъ у меня очутились слѣдующіе два документа [2]):

1) Отъ 14 апрѣли 1877 года (т. е. на другой день объявленія войны) отъ имени епископовъ: Филиппопольскаго—Панарета, Доростольскаго — Григорія и Самоковскаго — Доситея, о томъ, что собранный въ Константинополѣ совѣтъ болгарскихъ духовныхъ лицъ свергъ своего экзарха „Негова Блаженства г-на Антима I“ съ экзархата.

---

[1]) 80 двор. молдовъ.

[2]) Привожу здѣсь въ переводѣ.

Благоговѣйные священники (пастыри), почтенные первенцы и прочіе благословенные христіане, чада наши о Господѣ возлюблены, да будетъ божественная благодать со всѣми Вами.

Общеизвѣстно, что несмотря на всѣ приложенныя усилія дать Экзархіи направленіе болѣе соотвѣтствующее духовнымъ и нравственнымъ нуждамъ благочестиваго населенія, труды Экзархіи не только не улучшались, но изо дня въ день начали приходить въ большій безпорядокъ. Это, не по нашей волѣ, положеніе вещей переполняло горечью наши души, тѣмъ больше и больше, чѣмъ яснѣе становилось, что чрезвычайныя обстоятельства такъ вредно дѣйствовали на положеніе Экзархіи, что всякое желаніе исправить его будетъ постигнуто неудачей, если не будутъ отстранены главныя причины зла. Это убѣжденіе и полное сознаніе отвѣтственности, которыя какъ члены Святѣйшаго Сѵнода, имѣемъ передъ Святой Нашей Церковью и передъ народомъ, принудило насъ подъ конецъ обратить все свое вниманіе на положеніе Экзархіи и обдумать тѣ мѣры, кои бы понадобилось предпринять, чтобы положить конецъ этому невыносимому положенію.

Съ этой цѣлью, такъ какъ Экзархія лишилась Экзархійскаго Совѣта, то нашли необходимымъ почтительно созвать Совѣтъ въ Экзархійскій домъ болгарскихъ представителей Камеры, представителей (Хіети-Мебусанъ) и болѣе вліятельныхъ здѣсь пребывающихъ нашихъ единородцевъ, для необходимаго совѣта, который и состоялся, и въ которомъ, принявъ во вниманіе условія, при которыхъ находилась Экзархія и положеніе самаго Его Блаженства Экзарха, рѣшено было при обсужденіи обстоятельствъ, что въ пользу Экзархіи и народа, является необходимымъ оставленіе должности Болгарскаго Экзарха Его Блаженствомъ Г-омъ Антимомъ I-ымъ.

Относительно результатовъ этого рѣшенія, мы сообщили Высокой Портѣ объ оставленіи должности Его Блаженствомъ Г-омъ Антимомъ I-ымъ и исходатайствовали разрѣшеніе для выбора новаго Экзарха, что намъ и дано въ Высочайшемъ ирадэ, коимъ совѣтовалось направить свои силы на то, чтобы это избраніе совершилось какъ можно скорѣе, дабы новоизбранный Экзархъ согласно правиламъ Св. Нашей Православной Церкви могъ взять въ свои руки управленіе Экзархіи.

Вы видите, чада наши о Господѣ возлюблены, что смѣна Экзарха далека отъ всякихъ частныхъ интересовъ во вредъ Экзархіи и народа, а являлась необходимой, вслѣдствіе единственнаго желанія оставить въ дѣйствіи и силѣ неоцѣнимыя наши церковныя права и поставить Экзархійское начальство въ положеніе, отвѣчающее его

обязанностямъ къ народу, и наградить его хорошимъ церковнымъ управленіемъ, что и есть необходимое условіе для нравственнаго его возрожденія. Всѣ, слѣдовательно, обязаны быть признательными В. Правительству Его И. Величества Султана, за Его расположеніе и благожеланіе дать намъ могущественную свою поддержку, привести свои церковныя дѣла въ порядокъ, отъ которыхъ такъ много зависитъ благоденствіе и благосостояніе вѣрноподданнаго нашего народа.

Мы считаемъ своею священною обязанностью посовѣтовать пастырски и отечески, чада наши о Господѣ возлюблены, не придавать значенія какимъ бы то ни было словамъ, кои бы были распространяемы, съ цѣлью породить смущеніе и безпокойство, а относясь съ полнымъ довѣріемъ къ Святѣйшему Нашему Сvноду, къ его стараніямъ защитить Православную вѣру и наши церковныя права, признанныя В. Ц. Фирманомъ, которымъ и основана Экзархія и укрѣпивъ себя духомъ единомыслія Христіанской братской любви и согласія, возносить вмѣстѣ съ нами теплыя молитвы къ подателю Міра и всякаго добра Всевышнему Богу, о благосостояніи Святой Болгарской Божей Церкви, о здоровьи и долгоденствіи Его И. В. Султанѣ Гамидѣ II, милостивѣйшемъ Нашемъ Государѣ по водвореніи мира и спокойствіи въ богохранимой Царской державѣ, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность прожить спокойно и благополучно. Аминь.

Въ Царьградѣ. Ортаквой. 14 дня Апрѣля мѣсяца 1877 г.

Филиппопольскій Панаретъ.
Доростольскій Григорій.
Самоковскій Доситей.

2) Прокламація отъ 1 мая 1877 г. отъ имени тѣхъ же лицъ; здѣсь указывается на благополучіе находиться подъ скипетромъ османовъ и содержится горячій призывъ къ болгарамъ молиться о дарованіи побѣдъ султану Гамиду II.

Масса текстовъ изъ священнаго писанія и все выходитъ очень убѣдительно!..

Благоговѣйные священники, почтенные первенцы и прочіе благословенные христіане по Христолюбивому постановленію Болгарской Экзархіи, чада наши о Господѣ возлюблены, благодать, милость, миръ отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа Спаса нашего, да будетъ со всѣми Вами.

Всевышній Богъ, Который все на свѣтѣ совершенно устраиваетъ и Который всемудро управляетъ судьбами человѣчества, по непостижимому Своему Промыслу, соизволилъ поставить уже столько

вѣковъ тому назадъ Своего Израиля—благочестивый нашъ народъ подъ могущественную власть Отоманскихъ Государей. Въ сознанiи этого Небеснаго Опредѣленія наши предки и отцы, всегда послушные Богодухновенному ученію Святой нашей Православной вѣры, всегда словомъ и дѣломъ были вѣрны и искренно преданны свѣтлому Османскому Скипетру, согласно заповѣди Божественнаго Апостола: „Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется" и т. д. (къ Римл. гл. 13, ст. 1—2).

Это чувство вѣрности и преданности къ законно-установленнымъ властямъ, которое справедливо намъ снискало наименованіе истинно мирнаго и вѣрноподданнаго народа, не могло остаться безъ возмездія; вслѣдствіе чего и помимо другихъ вещественныхъ и духовныхъ благъ, которыя съ давнихъ поръ мы унаслѣдовали и сохранили подъ могущественнымъ покровительствомъ Османскихъ Государей, мы удостоились честью видѣть исполненнымъ горячее наше желаніе — возстановленіе нашего церковнаго самоуправленія, основаніемъ согласно В. Ц. Фирмана Болгарской Экзархіи.

Нашъ священный долгъ, слѣдовательно, помня Апостольскую заповѣдь: „Повинитеся всякому человѣчу созданію, Господа ради" и т. д. (А. Петр. гл. 2, ст. 13—14), стараться всѣми силами—сохранить и въ себѣ священное преданіе нашихъ предковъ и отцовъ, заключающееся въ отысканіи условій хорошей и мирной жизни — въ вѣрности къ Османскому Престолу и въ повиновеніи къ установленнымъ властямъ, чтобы такимъ образомъ показать себя еще болѣе достойными многоцѣннаго благоволенія милостивѣйшаго Царскаго Правительства.

Отечески и пастырски увѣщаемъ и умоляемъ Васъ всѣхъ, чада наши о Господѣ превозлюблены, внимайте непрестанно и будьте точными исполнителями дѣломъ и словомъ Апостольскихъ заповѣдей, которыя намъ предписываютъ имѣть всегда и при всякомъ случаѣ, а въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ — повиновеніе къ установленнымъ властямъ и берегитесь, какъ огня, злонамѣренныхъ и зломыслящихъ людей, кои могутъ появиться среди Васъ, стараясь посѣять смуты и раздоры. Ваше благо и ваша безопасность требуютъ, чтобы Вы соединились какъ дѣти одного отца, одного отечества съ согражданами, какой бы вѣры и народности они ни были и, соединенные духомъ братскаго союза и братскаго согласія имѣйте миръ между собою и всѣ единымъ сердцемъ и устами молитесь непрестанно Всеблагому и Всемилостивѣйшему Богу, да смилуется надъ нашей страной и избавитъ насъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей, которыя могутъ постичь, вслѣдствіе нападенія непріятеля, поднявшаго буйную брань противъ Богохранимой Царской Державы.

Съ той же цѣлью мы должны добровольно, ревностно и самоотверженно помогать Царскому Правительству, въ чрезвычайныхъ мѣрахъ, которыя оно считаетъ необходимыми принять для защиты Державы, ибо это наша обязанность какъ дѣтей общаго отечества, такъ какъ и въ то же время такъ угодно Богу, согласно съ Божественнымъ Апостоломъ:

„Сего ради и дани даете... Воздадите убо всѣмъ должная: ему же урокъ, урокъ; и ему же дань, дань; и ему же страхъ, страхъ; и ему же честь, честь" (къ Римл. 13, ст. 6—7).

Особенно и болѣе всего мы всѣ должны молиться денноночно Царю Царствующихъ и Господу Господствующихъ Всеблагому Богу, да дастъ Онъ здравіе и благоденствіе Августѣйшему Государю нашему Султану Гамиду II, оружію же его побѣду надъ всякимъ врагомъ и супостатомъ, да сохранитъ Его Державу и да даруетъ миръ Міру (и людямъ своимъ) и такимъ образомъ да будетъ возможность прожить намъ тихо и спокойно при всякомъ благочестіи и чистотѣ.

Всемогущій Богъ неизреченной своей благостію и безконечной своей милостью да избавитъ Васъ, дома Ваши и дѣтей Вашихъ отъ всякаго лукаваго дѣла. Аминь.

Въ Царьградѣ. Ортаквой. 1-ый день Мая мѣсяца, лѣта (отъ Р. Х.) 1877.

Филиппопольскій Панаретъ.
Доростольскій и Червенскій Григорій.
Самоковскій Доситей.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, при приходѣ въ Афлаторъ,—большое различіе въ одеждѣ здѣшнихъ болгаръ и тѣхъ болгаръ, которыхъ мы до сихъ поръ видѣли отъ Систова до Силистріи.

Конечно, и раньше наблюдалось нѣкоторое различіе въ одеждѣ разныхъ деревень, но это различіе касалось преимущественно излюбленныхъ цвѣтовъ одежды; здѣсь же не то: здѣсь, какъ дѣвушки, такъ и замужнія носятъ волосы, заплетенные въ нѣсколько косичекъ, какъ у татарокъ; нѣтъ плахтъ, вышивокъ на рубахахъ, такъ приближавшихъ костюмъ болгарки къ костюму малороссіянки: здѣсь носятъ родъ сарафана, подпоясаннаго тоненькимъ кушакомъ съ кистями. Разница тѣмъ болѣе бросалась въ глаза, что въ сосѣднихъ же селахъ костюмъ опять былъ тотъ же, что и около Рущука. Только еще въ двухъ деревняхъ—Казимірѣ и Бабукѣ попадались тѣ же костюмы, что и въ Афлаторѣ.

Скоро, однако, изъ разговора съ Пенко и его старухой матерью мнѣ выяснилось, что это различіе находится въ прямой связи съ интересной исторіей села Афлатора.

Лѣтъ 50 тому назадъ, т. е. въ двадцатыхъ годахъ XIX ст., на мѣстѣ нынѣшняго Афлатора не было никакого села—ширь да гладь, да Божья благодать: долина, какихъ много здѣсь, кругомъ поля, до которыхъ еще не дотрогивался плугъ, луга да лѣса. Началась война 28—29 г. Извѣстія объ успѣхахъ русскихъ распространились по всей славянской землѣ, русскіе доходили до Адріанополя, вездѣ болгаре встрѣчали ихъ радушно, по мѣрѣ силъ помогали и думали, что уже покончень старый порядокъ вещей, думали, что уже наступило новое время...

Но Адріанопольскій миръ подписанъ — русскіе стали уходить, и задумались болгаре — не отомстятъ ли имъ турки за свое пораженіе и за ихъ явное къ русскимъ сочувствіе. И вотъ, какъ разсказывала мнѣ старуха-мать Пенко, многіе изъ деревень, расположенныхъ около Сливны и Ямполя (это по ту сторону Балканъ), снялись и пошли вслѣдъ за русскими войсками...

Часть изъ нихъ осталась въ Румыніи, часть же дошла до Россіи, гдѣ и поселились, преимущественно, въ Бессарабіи. Человѣкъ двѣсти изъ ихъ деревни „въ 6 часахъ отъ Сливно“ поселилось именно въ Бессарабіи. Года черезъ 4 (въ 1833 г.) они снова вернулись въ Турцію, и турецкое правительство отвело имъ для поселенія мѣсто, гдѣ теперь Афлаторъ.

Кто сколько имѣлъ скота и зерна для посѣва, тотъ столько и бралъ земли: земли было въ волю; устроились, прожили спокойно 21 годъ, выстроили даже церковь; но наступаетъ крымская кампанія, опять русскіе около Силистріи, и опять они вслѣдъ за русскими въ 1854 г. переселяются въ Бессарабію, захвативъ съ собой все, что только можно было взять, и зарывъ остальное. Наступилъ 1856 годъ—Парижскій трактатъ подписанъ, и болгарамъ объявляютъ, что теперь они могутъ спокойно возвратиться въ Турцію—никто ихъ не тронетъ.

Вернувшись обратно, они застали въ наполовину разрушенномъ, наполовину сожженномъ селѣ—гостя—турецкаго бея; Махмудъ-бей за ихъ отсутствіе переселился въ Афлаторъ, захватилъ большой кусокъ земли, принадлежавшій церкви, и привелъ съ собой нѣсколько турецкихъ семействъ, которыя и поселилъ въ нѣкоторыхъ изъ брошенныхъ болгарскихъ домовъ; изъ нихъ и теперь еще здѣсь осталось 18 турецкихъ дворовъ; вернувшимся пришлось теперь работать на „помѣщика“...

Тѣ же болгаре, дома которыхъ были заняты турками, должны

были искать другихъ мѣстъ для поселенія, они и поселились въ Казимірѣ, до тѣхъ поръ бывшемъ исключительно турецкимъ селомъ.

И замѣчательно, несмотря на всѣ эти переходы, они сохранили до послѣдней черточки костюмъ той мѣстности изъ-за Балканъ, откуда они вышли.

Не знаешь, право, чему больше удивляться—необыкновенному ли богатству природы или необыкновенному трудолюбію болгаръ?

Или тутъ пришло на помощь одно къ другому, чтобы дать возможность создать такое цвѣтущее село въ такое сравнительно короткое время и несмотря на всѣ внѣшнія неблагопріятныя условія!

Теперь вновь началась и окончилась кампанія; предварительныя условія мира блестящія, небывалыя: создается цѣлое новое государство. Призывается къ политической жизни народъ, совмѣщающій, какъ въ своемъ нравственномъ характерѣ, такъ и въ странѣ, условія будущаго процвѣтанія.

5 вѣковъ тому назадъ у этого народа была отнята родина, и онъ въ теченіе этихъ 5 вѣковъ, лишенный всякаго участія, всякаго голоса въ рѣшеніи вопросовъ, прямо касавшихся его интересовъ, его самобытности, разсѣянный по многочисленнымъ долинамъ Болгаріи, трудился, копалъ землю, сѣялъ, собиралъ, обращалъ эти долины въ цвѣтущія села и, хотя и многое отъ него отбиралось, достигъ незауряднаго благосостоянія!

И теперь, когда этому народу даются права, каждому народу присущія, когда онъ призывается къ политической жизни—какъ не сказать, что этотъ народъ ждетъ будущность!

Говорилъ съ здѣшними болгарами о близкомъ будущемъ, но они настроены весьма пессимистически: въ ихъ памяти свѣжи воспоминанія о прошлыхъ кампаніяхъ, когда русскіе приходили, уходили, а все оставалось по-прежнему; и теперь они, кажется, ожидаютъ того же: „Турокъ говорилъ, что по уходѣ русскихъ, чтобы имъ больше незачѣмъ было сюда приходить, мы всѣхъ болгаръ перерѣжемъ!“

Замѣчательно, что многіе болгаре совершенно не понимаютъ, что война предпринята для ихъ освобожденія. Особенно поразилъ

меня одинъ изъ нихъ, когда, во время разговора, на мой вопросъ о цѣли войны—онъ совершенно спокойно отвѣтилъ: „не знамъ — вѣрно царь Вашъ захотѣлъ воевать!“

Не бойтесь—теперь не уйдемъ такъ, не бросимъ Васъ: теперь будетъ у Васъ вашъ собственный князь, ваше управленіе, свое войско!

20 іюля 1878.

Какъ тяжело было читать объ уступкахъ и о роли подсудимой, которую разыгрывала Россія на Берлинскомъ конгрессѣ!

А, главное, вѣдь это значитъ, что черезъ 25 лѣтъ, а то и раньше—опять война!

Только вспомнить: 1810 г., 1828—29, 1854 и 1878! Еще столѣтіе не окончено, а уже 4 войны съ Турціей, и въ концѣ концовъ Берлинскій конгрессъ за подковообразнымъ столомъ, съ подсудимыми Турціей и Россіей на шипахъ подковы!

Грустно! Но мы отчасти сами заслужили...

Сегодня читалъ Герцена. (Горныя вершины).

„Какой страшный вредъ вы сдѣлали намъ во время нашего возстанія“, сказалъ ему Кошутъ „и какой страшный вредъ вы сдѣлали самимъ себѣ. Какая узкая и противуславянская политика поддерживать Австрію. Разумѣется, Австрія и спасибо не скажетъ за спасеніе: развѣ вы думаете, что она не понимаетъ, что Николай не ей помогалъ, а вообще деспотической власти“.

Къ этимъ словамъ иллюстрація:

Въ 48 году мы подавляли стремленія народа освободиться отъ Австріи.

Въ 54 году Австрія, нисколько не чувствуя себя „обязанной быть благодарной“, наноситъ намъ ужасный ударъ въ тяжелое время.

Въ 77—78 году Краевскій [1]) и братія никакъ не могутъ установиться на почвѣ здраваго смысла, они раздуваютъ разныя фразы о благодарности, дружбѣ и пр. и пр. чувствахъ, они, въ своихъ передовыхъ статьяхъ сводятъ великую исторію, имѣющую подкладкой громадныя цѣли и интересы, на частную жизнь Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича.

По нимъ: „Андраши за насъ“ (точно у него нѣтъ чего-либо поинтереснѣе), Бисмаркъ и Вильгельмъ насъ любятъ.

---

[1]) Издатель „Голоса“.

Чтобы укрѣпить дружбу, Московскія дамы вышиваютъ Бисмарку туфли.

Вотъ развѣ подлецъ Биконсфильдъ, да что онъ?

Торгашъ, мѣняла, жидъ!

И за всѣмъ этимъ забывается дать обществу хоть бы нѣкоторое понятіе о тѣхъ цѣляхъ, которыя преслѣдуетъ политика державъ, о тѣхъ жизненныхъ интересахъ, которыми и ради личной пріязни не поступится глава конституціоннаго правительства. Что же тутъ удивительнаго, если въ одномъ № вы встрѣчаете лирическую статью о дружбѣ напр. Австріи, а въ другомъ № мрачную элегію о коварствѣ, измѣнѣ и т. д.? Напр. читаетъ гр. Адраши рѣчь (L'orient[1]), 1878 г., 11—14 декабря) передъ делегатами Имперіи, выясняетъ цѣли правительства. Что же проще—взять, да и дать своей публикѣ точный отчетъ о словахъ графа, нѣтъ, не то. Публикѣ не сообщается ничего. Только на цѣломъ листѣ крики—„Мы это предвидѣли". „Австрія за насъ!" Вдругъ въ мартѣ и апрѣлѣ послѣ Санъ-Стефанскихъ прелиминарій (1878 г. 19 февр.) „Австрія двулична, она обманула" и т. д., да стыдитесь же, г. г., возьмите, прочтите рѣчь Андраши и будетъ ясно, что ничего другого и не могла сдѣлать Австрія, какъ не стать противъ договора 19 февраля.

Англію же мы всегда третируемъ en canaille: „торгаши, лоскутники" и уже когда очень задѣты, то „коварные сыны Альбіона". То же самое и съ Германіей: все кричали о дружбѣ, о родственныхъ связяхъ и пр. и не давали себѣ труда разъяснить, да дѣйствительно ли дружба двухъ людей способна много повліять въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ восточный; да и вообще, что же лежитъ за этой дружбой, кромѣ родства двухъ монарховъ?

Вотъ кричали о дружбѣ, о Бисмаркѣ, дамы посылали туфли, освѣдомлялись, гдѣ у князя мозоли, чтобы посвободнѣе пустить. Начинается Берлинскій конгрессъ (1 іюня 78 г.—1 іюля), и мы видимъ, что вовсе уже не такъ съ нами носятся, какъ мы ожидали, оказались мозоли, которымъ туфли не могли угодить...

А можно было и раньше сказать, что Германія въ устройствѣ Балканскаго полуострова займетъ именно это, а не иное положеніе (L'Orient. Correspondance de l'Hongrie. Politique du prince Bismark).

Также кричали и о непослѣдовательности политики Англіи, политики, которая теперь представляется очень послѣдовательной и надѣлавшей намъ много непріятностей.

---

[1]) Журналъ, издававшійся во время войны; я получалъ его все время.

Наши недоразумѣнія лежатъ единственно въ томъ, что не хотимъ понять, что политикой руководятъ интересы, а не платоническія чувства, и что политика Англіи, Австріи, Германіи соотвѣтствуетъ истиннымъ внутреннимъ или внѣшнимъ потребностямъ. Вотъ если бы намъ наши руководители показывали съ этой точки, то все и было бы ясно и логически, и мы видѣли бы немного больше впередъ и немного лучше понимали бы прошлое, а если стать на искусственную почву платоническихъ чувствъ, то понятно,— всегда будетъ казаться непослѣдовательной политика, основанная на дѣйствительныхъ интересахъ, нуждахъ и цѣляхъ народа.

Вообще всѣ наши передовыя статьи не болѣе, какъ рядъ удивленій ряду совершившихся фактовъ.

Какъ мало мы придаемъ значенія исторіи и интересамъ народа, какъ много основываемся на чувствахъ, видно уже вотъ изъ чего: когда послѣ 2-хъ столѣтій, проведенныхъ въ войнахъ съ Турціей, намъ удалось заключить выгодный прелиминарный миръ, мы разсчитываемъ на чувства благодарности (!?) Турціи за то, что мы не все еще отъ нея отобрали, заговорили о союзѣ съ Турціей, а теперь удивляемся, что Англія не потеряла еще своего вліянія! [1])

Все кончено: миръ окончательный и теперь—уже это вѣрно—очень скоро мы вернемся въ Россію! Теперь уже дѣлаютъ всякія приготовленія для отправки въ Россію всѣхъ лишнихъ вещей, которыя находились въ складахъ въ Рущукѣ и другихъ мѣстахъ.

Точно не знаемъ, когда выступаемъ, но думаемъ, что очень скоро. Идемъ мы къ Черному морю,—маршрутъ еще не высланъ, но уже намъ извѣстно, что идемъ въ Бальчикъ — не далеко отъ Варны, которая уже теперь занята нашими войсками. Говорятъ, что насъ повезутъ моремъ въ Одессу. Одесса! Просто не вѣрится, что все уже окончено.

18 августа 1878 г. Афлаторъ.

Нашъ походъ немного отложили: выходимъ только завтра, т. е. 19 авг. идемъ чрезъ Добруджу на Тульчу; у Тульчи переправимся чрезъ Дунай въ Измаилъ—это уже на русской территоріи. Итакъ 2 сентября вступимъ въ предѣлы Россіи!

---

[1]) Это было писано въ 1878 году, т. е. за 31 годъ до аннексіи Босніи и Герцоговины, такъ внезапно и неожиданно взволновавшей наше общество...

28 августа 1878 г. Черноводы.

Что же съ нами дѣлаютъ!?

Писалъ о походѣ въ Россію, о высланномъ уже маршрутѣ — и что же вышло? Выступили въ походъ, семь дней шли и на восьмой день пришли и стали въ Черноводахъ—крошечный городокъ въ Добруджѣ на берегу Дуная, со станцiей желѣзной дороги на Кюстендже у Чернаго моря. Походъ же въ Россію, неизвѣстно почему, отложенъ!

Остаемся снова ждать!

9 сентября 1878 г. Черноводы.

...Идемъ въ Варну и, кажется (!?), остаемся на оккупацію...

2 октября 1878 г. Черноводы.

Сегодня послѣдній вечеръ въ Черноводахъ. Завтра утромъ выступаемъ въ походъ въ Проводы. Предстоитъ 9 дней похода по разрушеннымъ бѣднымъ татарско-молдованскимъ деревнямъ.

Увы! Остаемся на оккупацію...

Укладывался и перечитывалъ письма изъ Россіи. Задумался надъ письмомъ П. Н. Попова изъ Полтавы, полученнымъ еще зимой. Между прочимъ онъ писалъ:

...„Изъ Вашего письма я вижу, что Вы тяготитесь пребываніемъ въ арміи; правда, кампанія затянулась на долго и на долго отсрочивается приведеніе въ исполненіе Вашихъ плановъ, но оставьте точку зрѣнія Вашихъ личныхъ интересовъ. Вдумайтесь, милый юноша, что судьба сдѣлала Васъ участникомъ грандіознѣйшихъ событій, содѣятелемъ достиженія благороднѣйшихъ цѣлей. Вдумайтесь въ это, и Вы найдете утѣшеніе, и будете потомъ благодарить судьбу“.

На оккупаціи.

Въ Черноводахъ всѣ чувствовали себя угнетенными полной неопредѣленностью положенія. Время отъ времени ѣздили въ Кюстенджи— городокъ на берегу Чернаго моря. Ничего не дѣлалъ. Время проводилъ такъ: утромъ — верхомъ, затѣмъ обѣдъ у князя. Вечеромъ всѣ, съ кн. во главѣ, какъ бы по уговору, сходились на желѣзнодорожномъ вокзалѣ—тутъ же и пароходная пристань—здѣсь садились за столъ, слушали вѣнскій оркестръ, пили шампанское, закусывали у буфета уксусными корнишонами и часовъ въ 12 расходились по домамъ.

Иногда къ намъ подсаживался кто-либо изъ пріѣзжавшихъ или уѣзжавшихъ.

Подходитъ безъ фуражки, вытираетъ потный лобъ — рекомендуется—здѣшній комендантъ Комаровъ—суетливый, весь еще взволнованный: его обязанность „содѣйствовать".

„Ну, что вы безъ меня!?"

Но иногда это содѣйствіе понималось своеобразно.

Разъ ночью будитъ прапорщикъ—„не угодно ли—у него сломалось колесо, такъ выдай ему сейчасъ же новое!!"

Прежде я волновался, а теперь много спокойнѣе: пришелъ кто-нибудь просить, пришелъ жаловаться—прямо въ зубы!

— Что? Вы говорите не виноватъ?

— Извините—всякій чѣмъ-нибудь да виноватъ—никому не даромъ! а мнѣ за то покойнѣй.

— Нѣтъ, вы представить себѣ не можете, какъ меня извелъ Цеймарнъ (бывшій командиръ корпуса); сидѣлъ тутъ, ничего не дѣлалъ и путался (выразился гораздо грубѣе) съ тремя дѣвками, присылаетъ за мной:—Вы, говоритъ, меня въ гробъ уложите!

— Чѣмъ это, ваше превосходительство?

Оказывается, видите ли, сычъ мѣшаетъ ему спать! Устроили охоту—нашли сыча.

Опять зоветъ.

— Вы меня, говоритъ, со свѣта сживете!

— . . . . . ?

Изволите видѣть—лягушки—слышите—ля-гу-шки квакаютъ. Мѣсто болотное — ну, какъ ихъ всѣхъ переловишь?! Военачальникъ!!! Ну, прощайте, господа, заболтался съ вами!

— Такъ—если, что нужно, пожалуйста, не стѣсняйтесь, прямо ко мнѣ! услужу, чѣмъ могу!

На пароходной пристани встрѣтилъ бѣдняка Ж* — уѣзжалъ на пароходѣ, уѣзжалъ въ 3-мъ классѣ — на палубѣ. До войны Ж* служилъ предводителемъ дворянства въ одной изъ центральныхъ губерній. Въ началѣ войны онъ, уже не молодой человѣкъ, вновь поступилъ на военную службу въ уланскій полкъ; за это время совершенно спился; недавно напился до того, что упалъ съ лошади и заснулъ въ канавѣ; проснувшись, повязалъ голову цвѣтнымъ носовымъ платкомъ, вмѣсто потерянной шапки, и въ такомъ видѣ натолкнулся на Салтыкова — командира полка.

Стали говорить, что его видѣли пьющимъ съ солдатами; ему было предложено немедленно оставить полкъ.

Я его зналъ случайно: раза два-три онъ заходилъ ко мнѣ за французскими книжками.

Помню еще трогательную сцену. Разъ глубокой осенью въ концѣ ноября, къ вечеру, я, проѣзжая лошадь, поѣхалъ на линію нашихъ аванпостовъ; цѣпь держали уланы — и что же я вижу? Сидитъ на лошади Ж*, весь иззябшій и держитъ за пазухой собаченку, стараясь ее согрѣть.

— Откуда это?

— Да вотъ, говоритъ, бѣдняжку подобралъ—жалко было на нее смотрѣть...

А теперь я смотрѣлъ, какъ на палубѣ старался онъ устроиться, бѣдный, упустившійся человѣкъ, и не было около него никого, кто бы согрѣлъ его такъ, какъ въ свое время около своей груди отогрѣвалъ онъ случайную собаченку...

Подходитъ высокій красивый сотникъ Щербаковъ, въ началѣ кампаніи былъ скромнѣе скромнаго.

— Поздравьте! Въ исторію влетѣлъ!

На болгарской свадьбѣ въ Разградѣ схватилъ за шиворотъ уѣзднаго начальника — былъ пьянъ, а онъ что-то себѣ позволилъ, „ну меня раба Божія „за пьянство и буйство“ подъ арестъ!“

— А что у васъ за исторія съ Добсономъ? [1])

— Да еще съ Аблавы онъ все при нашемъ полку, пили все вмѣстѣ, подружились — онъ и поселился со мной. Спали это мы вмѣстѣ — да—я его и ущипнулъ; онъ разсердился; я, говоритъ, буду о казакахъ писать! А я ему—значитъ, вы англійскій жидъ! Какъ разсердится мой Добсонъ, плюется: „нѣтъ, нѣтъ, я не могу больше“. А мы въ хохотъ, да. Вотъ онъ и уѣхалъ.

---

[1]) Корреспондентъ англійскихъ газетъ, въ то время къ намъ крайне враждебныхъ.

Посерединѣ площади былъ расположенъ маленькій ресторанъ-кафе — лучшій въ городѣ, сюда мы заходили иногда выпить кофе или сыграть партію на французскомъ билліардѣ. Грязноватая низкая зала бокъ о бокъ съ помѣщеніемъ сапожника, окно его выходило въ ресторанъ; стекло было выбито и оттуда несло запахомъ кожи. Посѣтителей было мало и содержатель кафе—грекъ въ грязной рубахѣ и жилетѣ—вѣчно дремалъ за прилавкомъ.

Какъ-то я зашелъ въ кафе написать письмо, на другой сторонѣ противъ меня за бифштексомъ сидѣлъ пѣхотный полковникъ. Отворилась дверь и вошли двое молодыхъ франтоватыхъ статскихъ въ фуражкахъ съ кокардами—думаю, это были молодые чиновники нарождавшейся болгарской администраціи; они съ неудовольствіемъ взглянули на столъ, уже занятый полковникомъ, и заняли неподалеку отъ меня менѣе для нихъ удобный.

Что-то быстро заговорили и до меня совершенно явственно донеслась фраза, въ которой они назвали полковника „верблюдомъ"; не знаю — слышалъ ли полковникъ, но онъ продолжалъ молча сидѣть. Я былъ возмущенъ. Поднявшись съ мѣста, я подошелъ къ полковнику и спросилъ разрѣшенія сказать нѣсколько словъ молодымъ людямъ; это было сказано мною очень быстро, быть можетъ, онъ и не понялъ въ чемъ дѣло, онъ сдѣлалъ головой какой-то не опредѣленный жестъ; я подошелъ къ столу, занятому чиновниками, и сказалъ имъ: до меня долетѣли ваши слова.

— Вы назвали верблюдомъ полковника той арміи, которая сражалась за ваше освобожденіе.

— Не угодно ли вамъ извиниться или выйти вонъ!

Секунда колебанія; переглянулись, поднимаются и молча уходятъ изъ ресторана.

Только теперь полковникъ понялъ въ чемъ дѣло... Онъ былъ тяжело раненъ въ декабрѣ на Шипкѣ, теперь же возвращался изъ отпуска въ Россію въ свой полкъ, гдѣ-то въ Добруджѣ. Мы съ нимъ встрѣтились въ первый разъ и никогда болѣе не встрѣчались.

Нашъ милѣйшій докторъ К* получилъ другое назначеніе; къ намъ же перевели изъ драгунскаго полка доктора А*.

Докторъ А* небольшого роста, широкій въ костяхъ, съ черными волосами, откинутыми назадъ, съ длинной бородкой, которую онъ неизмѣнно теребилъ рукой, окончилъ курсъ въ медико-хирургической академіи въ самомъ началѣ кампаніи. Въ обществѣ почти всегда молчавшій, привлекалъ къ себѣ вниманіе умными свѣтящимися за очками карими глазами.

Онъ очень серьезно относился къ своимъ обязанностямъ, хотя и жаловался часто на недостатокъ средствъ.

Въ полку онъ пользовался симпатіями, что, впрочемъ, не помѣшало офицерамъ прозвать его „выборгскимъ разбойникомъ“. Почему? Можетъ быть только потому, что академія была на Выборгской сторонѣ.

Съ докторомъ у меня связывались два воспоминанія.

Въ ноябрѣ прошлаго года, когда мы жили въ землянкахъ, докторъ поселился съ однимъ вольноопредѣляющимся драгунскаго полка. Чтобы защитить себя лучше отъ холода, они вырыли въ своей землянкѣ длинныя ниши; отъ непрерывныхъ дождей земля обмякла и разъ ночью обвалилась, докторъ уцѣлѣлъ, а драгуна вынесли уже мертвымъ.

Потомъ въ іюлѣ, въ необыкновенно жаркій день, при походѣ изъ Силистріи въ Афлаторъ докторъ привлекалъ общее вниманіе тѣмъ, что онъ ѣхалъ на своей лошади, одѣтый въ теплое, зимнее пальто; удивлявшимся онъ объяснялъ, что онъ окружалъ себя „дурными проводниками тепла, чтобы гарантировать себя отъ жары“. Охотниковъ послѣдовать примѣру не нашлось...

Какъ-то, въ концѣ сентября, заходитъ докторъ.

— Ко мнѣ пріѣхала сестра—двоюродная сестра, прибавилъ онъ—пойдемте къ намъ, я васъ познакомлю!

Послѣ обѣда я и Ш-нъ зашли къ доктору, отворили дверь и увидѣли—на сундучкѣ сидѣла молодая лѣтъ 18—19 дѣвушка въ лиловомъ платьѣ, плотно обтягивавшемъ ея молодую фигуру.

„Екатерина Николаевна“, назвала она себя; ея каріе искристые глаза серьезно смотрѣли черезъ свѣтлыя очки.

Е. Н. была въ Парижѣ на выставкѣ, хотѣла остаться тамъ для изученія медицины, но потомъ рѣшила поступить на медицинскіе курсы въ Петербургѣ.

Изъ Парижа пріѣхала прямо въ Черноводы и привезла съ собой цѣлую коллекцію „энциклопедистовъ“ — (Edition bleue), чему я очень обрадовался.

Чуть ли не на другой день мы должны были выступать въ походъ въ глубь Добруджи, и я высказалъ сожалѣніе, что намъ придется такъ мало воспользоваться обществомъ Е. Н.

Но докторъ говоритъ: „она пріѣдетъ и въ Кадикей!“

И, дѣйствительно, когда послѣ 9 дней похода мы пришли на мѣсто, черезъ нѣсколько дней довольный докторъ зашелъ ко мнѣ и говоритъ:

— А, знаете, пріѣхала Е. Н., пойдемте къ намъ!

Всю зиму провели въ Кадикеѣ—турецкой деревнѣ—въ глуши Добруджи, верстахъ въ 25 отъ ближайшаго небольшого турецкаго городка Базарджикъ и верстахъ въ 40 отъ Варны.

По утрамъ занимался—какъ разъ изъ Россіи пріѣхалъ З—скій и привезъ съ собой нѣсколько книгъ по высшей математикѣ, я и принялся штудировать анализъ Коши; прочиталъ Огюста Конта и нѣсколько энциклопедистовъ: d'Alambert (Le discours préliminaire), Volney (Les ruines и La loi naturelle), Lamenai (le livre du peuple), Pascal (Pensées).

Почти каждый день бывалъ у доктора А*. Здѣсь въ небольшой комнатѣ занимали постоянныя мѣста: я въ короткомъ полушубкѣ садился на низенькій чемоданъ, облокотившись спиной въ деревянную рѣшетку окна, напротивъ, на складной табуреткѣ у стола, сидѣла Е. Н., направо, на низенькихъ носилкахъ для раненыхъ, докторъ въ красной фуфайкѣ; читали вслухъ публицистическія и научныя статьи ежемѣсячныхъ журналовъ и вели длинные разговоры.

Излюбленной темой доктора было выясненіе значенія невѣжества: вліяніе невѣжества на государственную, общественную и личную жизнь.

Затѣмъ шли разговоры о важности естествознанія. „Единственное наше дѣйствительное знаніе—это то, что намъ далъ Дарвинъ", говорилъ докторъ.

Шли разговоры о чтеніи—какія книги читать и въ какомъ порядкѣ; какъ построить жизнь на раціональныхъ началахъ.

До того времени я еще не читалъ Чернышевскаго „Что дѣлать". Докторъ говорилъ, что Чернышевскій такъ важенъ, что его нужно знать наизусть, по нему можно строить жизнь.

„Что дѣлать"—я досталъ уже послѣ совершенно случайно: вымѣнялъ на „Quatre-vingt-treize" V. Hugo у одного артиллерійскаго полковника—въ Разградѣ, куда, передъ самымъ отъѣздомъ въ Россію, я былъ командированъ за лошадьми.

Читать „Что дѣлать" мнѣ пришлось въ самой оригинальной обстановкѣ: на обратномъ пути изъ Разграда, во время остановокъ въ холодныхъ турецкихъ домахъ; здѣсь постель мнѣ слали на полу, а по обѣимъ сторонамъ постели ставились желѣзные подносы съ горячими углями, я ложился въ постель совершенно одѣтый съ фуражкой на головѣ и зачитывался романомъ, который, какъ въ то время я думалъ, рисовалъ именно ту таинственную для меня жизнь, въ какую я попаду студентомъ..

Е. Н. просила меня научить ее стрѣлять изъ револьвера. Мы втроемъ ходили въ лощинку, я приносилъ съ собой пачки патроновъ, и мы ихъ разстрѣливали изъ неуклюжаго „Смита и Вессона“.

Разъ Е. Н. меня спрашиваетъ:

— Что такое по-турецки „джанымъ?“

— Не знаю.

— Узнайте и скажите мнѣ!

Я узналъ—„джанымъ“ значитъ „милый“.

Какъ-то докторъ А* меня спрашиваетъ:

— Что вы думаете о любви?

—До сихъ поръ еще ничего не думалъ!

— Вы знаете—бываютъ положенія, когда нужно отказаться даже отъ предлагаемой любви!

— Я никогда объ этомъ не думалъ.

Толкованіе Писарева „Аси“ Тургенева навязчиво стояло передо мной, и слова доктора заставили меня задуматься... Вѣдь Писаревъ былъ для меня въ то время авторитетъ...

Какъ-то разъ вечеромъ Екатерина Николаевна жаловалась на нашъ столъ: все мясо, дичь, никакихъ консервовъ,—„ничего остраго!“ много дала бы за обыкновенную селедку.

Я задумалъ сдѣлать ей сюрпризъ. Вернувшись домой, я послалъ за Волошенко—моимъ стремяннымъ: „завтра подать лошадей къ 6 час. утра, мы съ тобой ѣдемъ верхомъ въ Базарджикъ (25 верстъ отъ Кадикея)“.

Утромъ на рысяхъ мы въѣзжали въ городъ, проѣзжали мимо какого-то крупнаго зданія, очевидно, общественнаго характера. „Стой, что это такое?“ говорятъ—баня.

Мигомъ соскакиваю съ лошади, бросаю поводья Волошенкѣ— „подожди, я сейчасъ!“

И раньше чѣмъ кто-нибудь успѣлъ меня остановить, я уже въ предбанникѣ!

Зала въ 2 свѣта, здѣсь раздѣваются, отдыхаютъ послѣ бани на диванахъ около стѣнъ, пьютъ кофе и курятъ кальяны. Прежде чѣмъ что-либо опредѣленное возникло въ моемъ сознаніи, я уже почувствовалъ, что мое появленіе вызвало смятеніе! Черезъ секунду я уже ясно различалъ женскія фигуры; испуганныя, метущіяся голыя негритянки банщицы—я попалъ въ женскій день!

Сконфуженный выскочилъ изъ бани. Отправились на базаръ.

Въ 12 часовъ, сдѣлавъ 50 верстъ верхомъ, я съ тріумфомъ вносилъ что-то въ родѣ селедки въ квартиру доктора.

— Какъ, вскричала Е. Н.—изъ-за одной селедки 2 человѣка сдѣлали по 50 верстъ!

Я понялъ это слишкомъ буквально и, удивленный самъ своей несообразительностью, на другой же день исправилъ свою оплошность, привезя опять къ 12 часамъ теперь уже нѣсколько селедокъ и успѣвъ при томъ побывать и въ банѣ, теперь уже въ мужской часъ!

— Леонидъ Григорьевичъ, говоритъ мнѣ докторъ, Е. Н. что-то нездоровится—она хочетъ ѣхать въ Россію—моремъ, изъ Варны на Одессу—не поѣдете ли Вы ее проводить?

— Какъ же я сдѣлаю? Если отпустятъ—съ восторгомъ!

— Попросите князя, говоритъ Е. Н., онъ Вамъ не откажетъ!

Князь на мою просьбу, ничего мнѣ не говоря, посмотрѣлъ внимательно въ глаза, покачалъ головой и сказалъ: „ни за что не пущу!“

Вечеромъ я сообщилъ А* объ отказѣ въ разрѣшеніи.

Е. Н. была недовольна.

Докторъ сперва молча сидѣлъ, потомъ началъ говорить о дикаряхъ—другимъ приходится терпѣть даже матеріально изъ-за дикости понятій!

— То есть какъ это, спрашиваю?

— Вѣдь если бы Вы поѣхали въ Одессу, Васъ бы какъ офицера не осматривали—Вы провезли бы энциклопедистовъ и микроскопъ, который Е. Н. пріобрѣла въ Парижѣ, а теперь придется платить пошлину за микроскопъ!

Правду сказать, меня это покоробило...

Князь далъ мнѣ разрѣшеніе ѣхать въ Варну, чтобы проводить Е. Н., и далъ мнѣ для этого четверку лошадей.

Въ Варну мы пріѣхали наканунѣ Р. Х.; погода была такая чудная, что я ходилъ въ одномъ кителѣ.

Для Е. Н. въ гостиницѣ нашелся свободный номеръ, для меня же обѣщали поставить постель въ маленькомъ салонѣ.

Вернувшись поздно, я нашелъ въ комнатѣ 2 кровати, было очень свѣжо (я позабылъ съ вечера закрыть окна), и я, забравъ одѣяла и подушки съ двухъ кроватей, улегся спать.

Ночью меня разбудили какія-то необыкновенныя движенія:

Кто-то уже выдернулъ изъ подъ моей головы подушку, а теперь стягивалъ одѣяло: оказалось, что хозяинъ гостиницы, не предупредивши меня, сдалъ „вторую кровать“ какому-то комиссіонеру и этотъ комиссіонеръ теперь возстановлялъ свои законныя права, на свою постель.

Е. Н. рѣшила ѣхать по жел. д. на Разградъ и далѣе на Рущукъ. Поѣздъ уходилъ утромъ. Я провожалъ Е. Н. и при прощаніи хотѣлъ поцѣловать ея руку.

— Что Вы, что Вы, выдернула она руку и сконфуженная, раскраснѣвшаяся смотрѣла на меня съ упрекомъ.

— До свиданья! до Петербурга!

Поѣздъ трогался.

Я, по своей наивности, искренне былъ убѣжденъ, что Е. Н. сестра доктора; потомъ явились у меня какія-то мысли, и, вернувшись изъ Варны, я въ тотъ же вечеръ разсказалъ д-ру о нашемъ путешествіи, вплоть до инцидента съ поцѣлуемъ руки и прямо спросилъ его: скажите—Е. Н. дѣйствительно Ваша сестра?

— А что Вы хотите посвататься?, съ сверкающими глазами, спросилъ докторъ.

Это было сказано съ такой силой и такъ вызывающе, что, будь на моемъ мѣстѣ любой мой товарищъ-офицеръ, это повело бы къ серьезной ссорѣ. Я же былъ только страшно сконфуженъ, моментально передо мной предстала мысль—какое право имѣю я затрагивать интимную сторону другого человѣка!

Обществомъ Е. Н. я дорожилъ, такъ какъ видѣлъ въ ней передовую женщину; а объ „ухаживаніи“ у меня не было и тѣни мысли.

„Нѣтъ, нужно слѣдить за собой, нужно отдѣлаться отъ ветхозавѣтнаго человѣка, котораго я носилъ еще въ себѣ!“

Я былъ пораженъ: столько работы надъ собой, и вотъ я каковъ!

Мы проговорили буквально всю ночь.

Этотъ разговоръ произвелъ на меня сильнѣйшее впечатлѣніе.

Ни Малороссія, залитая солнцемъ, съ ея яркими, въ то время, костюмами, пѣснями, танцами, нравами; ни помѣщичья дворянская среда, гдѣ прошли мое дѣтство и юность; ни закрытыя военно-учебныя заведенія; ни военная служба и война—не способствовали выработкѣ серьёзнаго взгляда на отношенія къ женщинѣ, къ любви..., а рано прочитанный Писаревъ скорѣе повредилъ...

И теперь, въ первый разъ я слышалъ убѣжденную проповѣдь серьёзныхъ отношеній къ женщинѣ, къ любви, и эти слова получали для меня тѣмъ большую цѣнность, что исходили отъ человѣка передового, носителя новыхъ началъ.

Никогда я не слыхалъ такихъ чистыхъ взглядовъ.

Любовь безъ полнаго взаимнаго довѣрія не любовь...

Ревность—пережитокъ дикаго состоянія—оскорбительна...

Только одна дѣйствительная любовь могла оправдать, по словамъ д-ра, близость отношеній между мужчиной и женщиной...

Во всемъ иномъ онъ видѣлъ лишь, какъ онъ выражался, проявленія „кобелизма“...

Многое, что мнѣ въ докторѣ казалось страннымъ, разъяснилось, и эта ночь насъ совершенно сблизила.

Только теперь я совершенно ясно понялъ, почему д-ръ такъ часто раздражался, почему такъ неумѣстны были мои приглашенія Е. Н. приходить ко мнѣ читать вмѣстѣ въ то время, когда д-ръ былъ занятъ.

По обыкновенію обѣдали у князя. Онъ скучалъ смертельно и сталъ насъ ежедневно приглашать и на ужинъ. Въ концѣ-концовъ мы чувствовали себя утомленными; да и непріятно было ходить ночью въ полной темнотѣ по турецкой деревнѣ, гдѣ къ тому же появилась масса бѣшеныхъ собакъ.

Мы сговорились и перестали ходить; но князь насъ побѣдилъ: онъ сталъ разсылать ужинъ по домамъ.—Мы сдались, и ужины возобновились. Все время проходило за разговорами за бутылкой легкаго вина (ни водки, ни крѣпкихъ винъ не подавалось). Разговоры—о текущихъ событіяхъ, разныя личныя воспоминанія, воспоминанія о товарищахъ — конно-артиллеристахъ (мы ихъ знали, кажется, всѣхъ въ Россіи); князь критиковалъ современное положеніе и восхвалялъ „доброе“ старое время.

Князь представлялъ изъ себя цѣльный опредѣленный типъ; онъ любилъ поговорить, я часто съ нимъ спорилъ, и мои возраженія вызывали его развивать свои взгляды на разныя стороны жизни. То, что меня всего болѣе поражало въ его взглядахъ, я заносилъ въ свой дневникъ.

Князю Р. не было еще и 40 лѣтъ.

Онъ очень гордился тѣмъ, что и отецъ его (херсонскій помѣщикъ) въ молодости тоже служилъ въ конной артиллеріи, и что самъ онъ, князь, по выходѣ изъ училища, до самаго назначенія къ намъ командиромъ, прослужилъ все время въ одной и той же батареѣ.

Онъ относился подозрительно къ тѣмъ, кто часто мѣнялъ мѣсто службы:

„Человѣкъ не ужился въ одномъ мѣстѣ, не ужился въ другомъ, да неужели я подумаю, что всѣ подлецы? Нѣтъ, уже навѣрно всѣ честные, а онъ одинъ подлецъ!“

Сегодня кн. очень въ духѣ и за ужиномъ вспоминалъ свою молодость.

Послѣ выхода изъ училища онъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ вмѣсто того, чтобы отправиться на мѣсто служенія, похитили жену одного петербургскаго купца и зажили съ нею втроемъ въ С.-Петербургѣ; купецъ жаловался, ихъ разыскали, и князь былъ доставленъ въ батарею съ жандармомъ. На его счастье командиромъ былъ баронъ Ш*, старый товарищъ отца по службѣ; баронъ посадилъ его подъ арестъ „за опозданіе изъ отпуска“ и затѣмъ назначилъ своимъ адъютантомъ.

И пили же мы! Ну, что Вы нынѣшніе!

Разъ мы пьемъ; вдругъ присылаютъ за мной—я на ногахъ не держусь—сейчасъ меня товарищи раздѣли и посадили въ бочку съ водой—являюсь къ командиру—ни въ одномъ глазу!

Опять за то же, вдругъ часа черезъ два—опять зоветъ! Опять въ бочку! Ну, а Вы нынѣшніе?

2 января 1879 г.

Я заговорилъ о перемѣнѣ взгляда на удовольствія.

— ... И еще будете увлекаться и будете и это, и именно это, и естественно, а всякое отклоненіе—неестественно!

Жить въ свое удовольствіе—значитъ хорошо ѣсть, пить, пользоваться обществомъ женщинъ. Всякій человѣкъ только къ этому и стремится; иныхъ наслажденій не понимаетъ и не вѣритъ имъ.

— И кто это говоритъ, тотъ лжетъ! И Вы думаете, о чемъ хлопочутъ всѣ эти „либералы“? Не любятъ удовольствій! а небойсь, будутъ пить лафиты и попивать и т. д.

Удовольствій научнаго труда не понимаетъ; наука для него всегда являлась въ видѣ препятствія: то для поступленія въ училище, то для полученія офицерскихъ эполетъ.

Общественныхъ интересовъ въ обширномъ смыслѣ не понимаетъ.

— Ну, кто ихъ уполномачиваетъ?

— Ахъ, этотъ подлецъ Гюго и т. д. и т. д.

Бѣдному Гюго попало совершенно случайно изъ-за меня—я какъ разъ въ это время читалъ „Les Misérables“.

Что ему неблагопріятно, то и неблагонадежно!

Все, что было прежде,—хорошо, а теперь—скверно, а чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже.

Шла рѣчь о тяжеломъ положенiи крестьянъ.

— Чего же имъ жаловаться: имъ прекрасно, они обезпечены! Заговорили о недоимкахъ и безжалостныхъ мѣрахъ взысканiя.

— Если я надѣлалъ долговъ, при чемъ тутъ мое положенiе какое-то. „Надѣлалъ долговъ и плати!“.

3 янв. 79 г.

Кн. терпѣть не можетъ такъ называемой „законной“ почвы.

— А, голубчики, Вы на „законную“ почву, ну—я же Васъ доканаю! [1]).

И разсказывалъ намъ, какъ онъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, по порученiю командира Цеймарна, кому-то сдавалъ часть батарейнаго имущества.

— Я ему говорю — скажите прямо — сколько Вамъ нужно? [2]), а онъ—нѣтъ, я посмотрю и началъ нюхать, и началъ.

Ну, когда такъ—хорошо!

Я зналъ—любитъ онъ выпить, вотъ я и говорю—не выпить ли по рюмочкѣ!

— Да, знаете—это хорошо бы, только у меня спиртъ, говоритъ.

Вотъ мы и дули спиртъ до 4 час. утра; онъ хотѣлъ было доплаты 1.800 р. а съѣхалъ на 1.000 р.

Я говорю—давайте подписывать, а онъ—нѣтъ, завтра!

Да, что завтра (еще, пожалуй, и раздумаетъ)! ну, и подписали.

Потомъ какъ встрѣтились, онъ и говоритъ—это Ваши то хомуты?

А вольно же Вамъ было „нюхать“!

А хомуты—на кошку (съ хохотомъ) не найдутъ!

И все это съ хохотомъ, и дѣлалъ-то все это не для своей выгоды, а для Цеймарна.

6 янв. 1879.

Князь очень часто развивалъ свои взгляды на „женскiй“ вопросъ.

Первое и существенное назначенiе женщины—указывается ея физической природой.

Это назначенiе она выполняетъ во всѣхъ слояхъ общества; все остальное—надзоръ (не воспитанiе, а именно уходъ) за дѣтьми, заботы по хозяйству—могутъ видоизмѣняться, смотря по классу общества.

За женщинами нужно ухаживать.

Ухаживанiе имѣетъ опредѣленную цѣль:

---

[1]) Увѣренъ, что за всю свою жизнь никого не „доканалъ“, а помогалъ многимъ.

[2]) Чтобы получить росписку въ удовлетворительномъ состоянiи принятаго по описи имущества.

„Очень невредно!!“

„Пощечина отъ женщины—это шагъ ближе“.

Все, что препятствуетъ обезпеченію успѣха, вызываетъ ненависть. Такими препятствіями—физическіе недостатки (напр. уродливость женщины), а главное, что вызываетъ ненависть—это высшее образованіе—„студентъ въ юбкѣ“.

„Все это лишаетъ женственности“.

Идетъ и далѣе:

„Женскія гимназіи—вотъ первое зло!“

Но онъ не противъ образованія; напротивъ—„правильное“ образованіе, не лишающее женственности, какъ и хорошій туалетъ, придаютъ интересъ, пикантность женщинѣ.

Стоитъ за институты.

Очень любитъ бывать въ дамскомъ обществѣ.

Разсказывалъ, что какъ-то цѣлый годъ все свободное время бывалъ у одной дамы (жены мир. судьи) и былъ съ нею въ очень хорошихъ отношеніяхъ.

— Ну, видите—возможны же хорошія отношенія, и не имѣя въ виду извѣстныхъ цѣлей.

— Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло—я далеко бы не отказался.... въ томъ-то и прелесть—вѣчно наэлектризованъ, вѣчно возбужденъ! въ этомъ-то и сила!

Приходилось имѣть и интрижки съ замужними женщинами; но, вообще, онъ былъ противъ этой, какъ онъ называлъ, „даровой любви“ и предостерегалъ насъ, молодыхъ офицеровъ:

„Она и дороже выходитъ: „и лакеи, и горничныя“, и то и другое, „да и безпокойствъ много!“ Разсказывалъ, какъ ему приходилось сидѣть въ шкафу, какъ разъ, спускаясь ночью съ лѣстницы, разодралъ сюртукъ чуть не до шеи.

Приходилось жить въ Варшавѣ; „ничего нѣтъ лучше—обратиться къ своднѣ—препочтеннѣйшій народъ“!

Денегъ никогда не жалѣлъ, но „только чтобы уже въ мое удовольствіе“.

Жениться нужно попозже, „когда страсти, такъ сказать, улягутся“.

„Когда женитесь, отпразднуете медовый мѣсяцъ, пресытитесь, такъ сказать, тогда заживете себѣ съ женой; она будетъ Вамъ не то что необходима, а все же нужна: ну, какъ стаканъ чая—онъ Вамъ не необходимъ, а привыкли пить, вотъ и пьете; такъ и жена: она не необходима, а вотъ нужно, чтобы была около Васъ женщина“.

„Главное—смотрите проще на эти вещи: не требуйте только какой-нибудь идеальной любви и проживете себѣ мирно“.

Главное—нужно твердо помнить: „дайте улечься, никогда не

спорьте, когда женщина раздражена: уступите ей тогда, уступите и повѣрьте, что останетесь въ барышахъ!“

„Вотъ, служите, говорилъ онъ мнѣ: женитесь, дѣти будутъ— вотъ будетъ и цѣль въ жизни—обезпечить дѣтей“.

5 Февраля 79 г.

Въ 9 час. вечера пришелъ денщикъ звать на ужинъ.

— Эй, давайте, ужинать! садитесь господа, приглашалъ князь.

— Либералъ, либералъ! говорилъ съ улыбкой за ужиномъ—соціалистъ!

— Да, право, князь, Вы сами ужасный либералъ: вѣдь вотъ Вы и то и другое ругаете!

Онъ причмокнулъ и повелъ головой: — нѣтъ, на меня положиться можно—пускай какія нибудь народныя волненія—пошлютъ— и буду стрѣлять въ толпу!

— И у Васъ ничего не шевельнется?

— Нѣтъ, ровно ничего—куда пошлютъ, туда и пойду!

— А вотъ Васъ бы и X. не назначилъ-бы; нѣтъ, впрочемъ, прибавилъ онъ—X. назначилъ бы, но Васъ, произнесъ онъ серьезно,— ни за что!

Вскорѣ послѣ отъѣзда Е. Н. доктора обратно перевели въ драгунскій полкъ.

Сегодня князь заговорилъ со мной о А*.

— Нѣтъ, ужасную тѣнь бросили эти г.г. А*. Я вотъ хотѣлъ даже произвести обыскъ въ батареѣ!

— Но, помилуйте, князь, какіе же они пропагандисты! Неужели сидѣли бы 3 мѣсяца въ одной и той-же батареѣ!

— Но согласитесь—все странно—изъ Парижа въ Кадикей! жить въ одной комнатѣ! Тамъ себѣ, что хотите, но все же нуженъ декорумъ: тутъ и денщики, и солдаты, и офицеры!

— И опять—ну, еслибъ къ Вамъ кто-нибудь пріѣхалъ—развѣ Вы оставили бы и пошли сами обѣдать?

Да и тщательное скрываніе фамиліи и неопредѣленность положенія... Нѣтъ, нѣтъ—это не то!..

Къ этому прибавлю,—кн. ни одному человѣку слова не говорилъ про то, что ему одному было извѣстно; ни малѣйшихъ затрудненій онъ имъ не дѣлалъ и даже по моей просьбѣ посылалъ каждый день обѣдъ со своимъ денщикомъ для Е. Н., которая обѣдала одна, такъ какъ докторъ обѣдалъ съ нами.

— Вотъ въ Россію, говорилъ князь, да и въ отставку—на покой, буду жить въ деревнѣ, числиться почетнымъ мировымъ судьей.

— Можетъ быть, и въ земствѣ?

— Вотъ уже въ этихъ непотребныхъ заведеніяхъ—ни въ земствѣ, ни въ мировыхъ судьяхъ не буду!

— Отчего же Вы въ отставку?

— При прежнихъ порядкахъ служилъ бы, но теперь—нѣтъ, при теперешнихъ—не хочу!

Да и что—довольно послужилъ: 22 года (съ 17 лѣтъ)!

Принесъ свою лепту, такъ сказать, на алтарь отечества и довольно, не то что иные нынѣшніе по 3—4 года,—покосился онъ на меня.

— Да вѣдь не въ этой отрасли—въ другой буду служить отечеству!

— Нѣтъ, вотъ Вы послужите такъ, вотъ—тогда и о другой думайте!

— Поздно будетъ.

Я заговорилъ съ княземъ объ отпускѣ въ Россію—я очень боялся потерять еще годъ.

Говорю Вамъ, не торопитесь: времени еще довольно! Успѣете еще!

— Да вѣдь все зависитъ отъ сроковъ, надо разсчитать!

— Какіе разсчеты: положитесь на время и что нужно, то и выйдетъ! Природа это, такъ сказать, сцѣпленіе зубчатыхъ колесъ: всякій—это одинъ изъ зубцовъ. Вы полезны—Вы держитесь; не нужны—зубецъ истирается—Вы уничтожаетесь. Уже повѣрьте—знаетъ, на что Вы ей полезны—если ей нужно, чтобы Вы, т. е. въ Вашей оболочкѣ, были технологомъ и будете, а нѣтъ—и не будете: противъ судьбы не пойдете!

Утромъ пришелъ ко мнѣ X*, просилъ о перепискѣ. Предложилъ перейти ко мнѣ на квартиру, но у меня сырая, и я перешелъ къ нему.

Засѣли читать „Что дѣлать".

Вечеромъ пришелъ денщикъ звать на ужинъ къ кн. Р.

Вернулись и потушили свѣчи. X* спрашиваетъ меня:

— Ты окончательно рѣшилъ такъ скоро уѣзжать?

— Да.

— Оставайся еще на мѣсяцъ!

Онъ сталъ говорить о кн. Р* и тѣмъ вызвалъ меня высказать мои взгляды.

Обособленные кружки, корпораціи, а военная среда въ особен-

ности, вырабатываютъ себѣ болѣе или менѣе цѣльный идеалъ, къ которому члены его болѣе или менѣе подходятъ.

И съ точки зрѣнія извѣстныхъ *условныхъ* требованій—князь Р* прямо идеальный человѣкъ: прямой, честный, хорошій товарищъ. При баронѣ М* лошади шатались, потомъ стали падать, а онъ имъ даетъ двойную дачу; солдаты никогда раньше такъ не питались, одѣты какъ съ иголочки; все это вѣрно! Но если мы на него посмотримъ съ другой точки зрѣнія—съ точки зрѣнія человѣка, стремящагося къ просвѣщенію, завоеванію свободы, то... онъ не выдержитъ никакой критики...

Представь себѣ двѣ группы лицъ разнаго развитія, живущихъ бокъ о бокъ; между ними неизбѣжно возникнетъ болѣе или менѣе интенсивная борьба: инстинктивно каждая изъ группъ будетъ стремиться распространить свои взгляды, свою манеру жить, просто потому, что чѣмъ болѣе единомышленниковъ, тѣмъ легче живется.

И вотъ, представь себѣ, что одна группа многочисленная обладаетъ всѣми средствами; располагаетъ государственными должностями, а на сторонѣ другой малочисленной большее развитіе, болѣе глубокое, какъ имъ кажется, пониманіе окружающаго, жажда создать иныя условія существованія; совершенно естественно въ этой группѣ сложится убѣжденіе, что главный корень зла — невѣжество и всѣ ея усилія будутъ направлены на распространеніе знаній: „чѣмъ больше единомышленниковъ, тѣмъ мнѣ легче жить“—вотъ смыслъ этой борьбы и каждая группа одна сознательно, другая инстинктивно будетъ стараться увеличить свои ряды.

— При чемъ же тутъ кн. Р*?

— Какъ же ты не понимаешь: онъ хочетъ, чтобы я остался офицеромъ, и вотъ раньше онъ всячески старался меня убѣдить, теперь онъ понемногу меня задерживаетъ... затягиваетъ... и вотъ я на сторожѣ...

Х-ко опять вернулся къ вопросу о моемъ выходѣ.

— Вотъ то, что ты говорилъ... почему бы тебѣ не остаться въ арміи, ты могъ бы быть полезнымъ здѣсь!

—У меня слишкомъ мало знаній и за ними-то я и иду...

Да и сама армія...

Развѣ скоро не будетъ анахронизмомъ самое ея названіе [1]. Остаться...

Нѣтъ, нѣтъ... на *такую* жертву я не способенъ.

---

[1]) Такова была въ то время вѣра въ быстроту прогресса!!

Возвращеніе въ Россію.

Въ походахъ и на войнѣ я пробылъ болѣе 2 лѣтъ: съ 13 ноября 1876 г. до половины февраля 1879 года.

Съ невообразимой радостью возвращался я въ Россію.

Пріѣхалъ въ Харьковъ въ концѣ февраля, во время чумы въ Ветлянкѣ, вскорѣ послѣ убійства въ Харьковѣ губернатора кн. Крапоткина и чуть ли не на другой день послѣ избіенія казаками студентовъ университета.

Общее подавленное настроеніе.

Я живу съ матерью и сестрой гимназисткой. Мечтаю скоро быть студентомъ, а сестра, конечно, на курсы...

У насъ собираются для чтенія.

Начинаемъ съ женскаго вопроса. „Реактивъ для опредѣленія человѣка"—отношеніе его къ женскому вопросу. Я читаю главы Лебббока, le mariage, конспектирую Милля, Шашкова („Исторія русской женщины") и Чернышевскаго; читаемъ „Знаменіе времени" Мордовцева и „Шагъ за шагомъ" Омулевскаго.

Затѣмъ переходимъ къ исторіи развитія русскаго общества по литературнымъ типамъ (Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ, Базаровъ, герои Чернышевскаго).

Меня приглашаютъ:

— Приходите къ намъ сегодня вечеромъ: у насъ соберется молодежь, будетъ Ц*—знаете—ему казаки нагайкой носъ перебили!

Лѣтомъ въ деревнѣ собрались гости; пріѣхалъ и Задашъ — богатый помѣщикъ. У него было два ценза: личный и по довѣрію отъ матери. Говорили, будто бы онъ разсказывалъ, какъ онъ въ земствѣ вліяетъ на обѣ партіи: „одинъ шаръ я кладу направо, а другой налѣво".

Зашелъ разговоръ о крестьянахъ. Слова Задаша такъ характерны, что привожу ихъ, не измѣнивъ ни слова.

—„Вы вѣрите въ любовь къ вамъ крестьянъ? Да знаете ли Вы, что каждый изъ нихъ готовъ утопить помѣщика вотъ въ этой ложкѣ, мала только она, а на большую не хватитъ воды, да и слава Богу!" (Здѣсь онъ перекрестился).

—„Отчего же происходитъ такая ненависть мужиковъ?"

—„А вотъ отчего: въ Россіи есть два сословія—господствующее

и порабощенное; между ними страшная вражда. Такъ и должно быть; это предопредѣлено и самимъ Богомъ. Разумъ долженъ господствовать, а онъ принадлежитъ намъ, поэтому мы и составляемъ господствующее сословіе. Этотъ разумъ данъ вамъ въ наслѣдство нашими отцами. Замѣтьте, что я говорю не о богатствѣ, а о разумѣ; богатство является только вслѣдствіе разума; при томъ, у насъ разумъ соединенъ съ порядочностью; наши же мужики имѣютъ лишь на столько ума, чтобы стянуть то, что плохо лежитъ, и дальше этого, видитъ Богъ, они не пойдутъ. Посмотрите, какъ работаетъ мужикъ у разумнаго помѣщика, какъ напр., Бабанина и у какого-нибудь добряка: тамъ они дѣйствительно трудятся, здѣсь же обдираютъ. Это происходитъ оттого, что они всѣ мерзавцы, подлецы; оттого, что съ ними надо обращаться, какъ со скотомъ.

— . . . .

— Пожалуйста, оставьте думать, что они такіе же люди, какъ и мы. Подземной силѣ угодно говорить подобныя безсмыслицы, а дураки и вѣрятъ.

Вы, можетъ быть, тоже воображаете, что соціалисты сами думаютъ то, что говорятъ? Нѣтъ, они не такъ глупы!

Сказать Вамъ, что они хотятъ? Они хотятъ занять наши мѣста: вѣдь это же все больше голодные поповичи!

Посмотримъ, какъ они будутъ дѣлиться съ меньшою братьею! Меньшая братья! И какіе, къ чорту, они намъ братья! Свиньи они, а не братья!

Да когда ужъ правду говорить, такъ и мы сами нѣсколько виноваты.

Что это за порядки такіе! Напр., я, человѣкъ знающій, котораго мужикъ долженъ уважать, говорю: дѣлай такъ, а не такъ; не то пожалуюсь мировому, онъ тебѣ прикажетъ сдѣлать то-то. Эта же скотина вдругъ отвѣчаетъ: „може скаже, а може и ни; жалуйтесь мировому“.

Приходится жаловаться. Представьте же себѣ, что мнѣ, человѣку все-жъ таки разумному, приходится становиться на одну доску съ осломъ; а тутъ еще подвернется такой мировой, который, вмѣсто того, чтобы выслушать меня и повторить мужику, внушить ему то, что я уже сказалъ, онъ начинаетъ приплетать свидѣтелей, допрашивать мужика и выходитъ чортъ знаетъ что такое! Смотришь, въ концѣ концовъ, что мое требованіе несправедливо или что-нибудь въ родѣ этого, и я же остаюсь виноватымъ.

Скажите же пожалуйста, какъ отнесется ко мнѣ мужикъ, выйдя изъ суда?

Вы, можетъ быть, думаете, что я хочу засадить его въ чер-

ную? Совсѣмъ нѣтъ, хотя и то не дурно бъ, я хочу, чтобы мировой повторилъ мои слова, чтобъ крестьянинъ увидѣлъ, что ему надо слушаться меня, что я выше его, что ему нечего тягаться со мной: указать все это—вотъ прямая обязанность мирового судьи [1]).

— Вы смотрите,—вмѣшался въ разговоръ состоятельный помѣщикъ Громовскій, человѣкъ очень начитанный и ѣздившій за границу для изученія постановки земледѣлія въ Европѣ и Америкѣ. Вы смотрите, продолжалъ онъ, исключительно съ точки зрѣнія дворянскихъ интересовъ. На этотъ-же вопросъ нужно смотрѣть съ государственной точки зрѣнія.

Россія страна земледѣльческая и потому нужно приложить всѣ мѣры къ поднятію земледѣлія; а разъ Вы поднимете земледѣліе, явится въ странѣ достатокъ, тогда естественнымъ путемъ разовьется и промышленность, и фабричная и заводская, и крестьяне получатъ на нихъ дополнительные заработки.

— Все это извѣстно, но что-же сдѣлать для поднятія земледѣлія?

— Нужно привлечь къ сельскому хозяйству капиталъ и образованныхъ людей.

Теперь всѣ бѣгутъ изъ деревень, а между тѣмъ при раціональномъ хозяйствѣ, при капиталѣ, земля много можетъ дать! Создайте только иныя условія и увидите—все перемѣнится: и капиталъ и образованные люди обратятся къ землѣ!

И это вовсе не такъ трудно сдѣлать: во первыхъ, фиксируйте законодательнымъ порядкомъ maximum возможныхъ налоговъ на землю, а, во-вторыхъ, дайте возможность обезпечить хозяйство рабочими руками — дайте возможность справиться съ нашими рабочими!

Какая теперь можетъ быть увѣренность въ хозяйствѣ?

Одни рабочіе уходятъ, взявъ задатокъ, другіе поздно являются, третьи вмѣсто работы спятъ на полѣ, четвертые такъ работаютъ, что хоть снова начинай!

Воровство идетъ повальное! Падежи скота чего стоятъ? А что вы подѣлаете—нужно убирать сѣно, а тутъ нѣтъ рукъ: то прямо ушли въ самый нужный моментъ, а то на помощь являются безчисленные праздники, и на зиму—скотъ безъ сѣна!

Заговорили о просвѣщеніи народа, объ его образованіи.

— Нѣтъ! это, конечно, нужно, но этотъ путь долгъ: здѣсь нужны энергичныя мѣры.

Введите сельскихъ и лѣсныхъ сторожей, но непремѣнно подъ

---

[1]) Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ мировые судьи были замѣнены земскими начальниками...

присягой и чтобы утверждались въ должности какой-нибудь мѣстной властью, ну, хоть-бы исправникомъ, а главное установите, чтобы каждый рабочій *обязательно былъ снабженъ книжкой*. Въ эту книжку должны быть вписаны: всѣ повинности и уплаты по нимъ, штрафы и уплаты по нимъ и время перехода отъ одного мѣста жительства въ другое. Вы увидите, какъ скоро все перемѣнится: появится масса крупныхъ имѣній съ раціональнымъ хозяйствомъ, разовьется и скотоводство въ огромныхъ размѣрахъ, появятся и мѣстные промыслы съ побочными занятіями для крестьянъ.

— А какъ вы смотрите на крестьянское хозяйство?

Громовскій пожалъ плечами.

— Крестьянинъ живетъ изо дня въ день, чтобы прожить и уплатить повинности. Какое-же тутъ хозяйство! Земля истощается безъ удобренія, скотъ не только не улучшается, но гибнетъ, а сами крестьяне, за отсутствіемъ побочныхъ заработковъ, въ полной праздности проводятъ полгода и болѣе!

— Тогда логическій выводъ изъ всего что вы говорили, тотъ, что съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ нужно всю землю сосредоточить въ рукахъ капиталистовъ, крестьянамъ оставить усадьбы, самихъ же ихъ обратить, при посредствѣ вашихъ „книжекъ“ и сторожей, въ сельско-хозяйственныхъ вѣчно обязанныхъ рабочихъ!

— Ну, пожалуй, конечно, такъ!... Не знаю только, рѣшатся ли на это, *) закончилъ Громовскій.

Но тогда это было бы возвращеніемъ къ крѣпостному праву съ освобожденіемъ помѣщиковъ отъ заботитъ о крестьянахъ!

— Поѣзжай въ П.,—говорила мнѣ тетя—познакомься съ Рѣдичемъ—вотъ человѣкъ, съ которымъ можно отвести душу!

Мой интересъ къ Рѣдичу еще болѣе усилился, когда я узналъ, что онъ по производствѣ въ офицеры изъ военнаго училища, за годъ до Нечаевской исторіи, сейчасъ-же поступилъ въ технологическій институтъ, гдѣ и окончилъ курсъ; теперь-же онъ служилъ преподавателемъ и воспитателемъ въ военной гимназіи.

Здѣсь его считали хорошимъ человѣкомъ и говорили, что и воспитанники его любятъ.

---

*) Въ слѣдующемъ же году, при Маковѣ, введены сельскіе урядники. Теперь введены стражники. Пожалуй, не хватаетъ только „книжекъ“, чтобы путь къ достиженію Громовскаго идиллическаго благополучія былъ вполнѣ обезпеченъ!

П-вы говорили, что онъ смотритъ на всѣхъ „свысока“.

П—цкій указывалъ мнѣ на него, какъ на примѣръ, что не стоитъ идти въ технологическій, чтобы сдѣлаться воспитателемъ.

Поѣхалъ въ П*. къ Рѣдичу.

Зашелъ разговоръ объ институтѣ.

Рѣдичъ разсказывалъ мнѣ, что на него имѣла большое вліяніе одна дама; подъ ея вліяніемъ онъ рѣшилъ бросить военную службу, но колебался между горнымъ и технологическимъ, и выбралъ технологическій только потому, что это было ближе...

Первое-же, что устроилъ по поступленіи въ студенты—кассу взаимопомощи. „Я, разсказывалъ онъ, былъ выбранъ кассиромъ; здѣсь начались мои разочарованія: многіе относились къ кассѣ крайне безцеремонно—имъ предлагаютъ занятія, а они обращаются въ кассу—я указывалъ на это, мнѣ стали говорить, что я хочу быть жандармомъ. Касса по прошествіи года лопнула.

— А сходки, собранія, кружки?

—На первыхъ порахъ посѣщалъ всѣ сходки, потомъ бросилъ: вѣдь все это было запрещено, организаціи были „подпольныя“, а, слѣдовательно, вполнѣ во власти тайныхъ организацій, и потому, когда агитаторъ-пропагандистъ говорилъ, ни у кого изъ молодежи не хватало мужества возражать, изъ боязни быть зачисленнымъ въ тотъ лагерь, противъ котораго говорилъ пропагандистъ, и вотъ цѣлый рядъ лѣтъ молодежь подъ опекой теряла способность самостоятельно разсуждать—просто „мозги атрофировались“.

Изъ этого времени у меня развилась страшная ненависть къ этому типу пропагандистовъ-заговорщиковъ и къ девизу „цѣль оправдываетъ средства“!

Послѣ уже мнѣ пришлось еще разъ въ Кіевѣ быть на одномъ собраніи. Читалъ одинъ „историкъ“. Два часа читалъ изъ собственной головы какую-то дребедень; дѣвушки, разиня ротъ, слушали, потомъ пошли дебаты: одинъ говоритъ, а двадцать орутъ и никто ничего не понимаетъ.

Нѣтъ, воля ваша, а я болѣе не могу, и ушелъ.

Потомъ „философъ“ и говоритъ—откуда вы выкопали такого консерватора!

Послѣ окончанія курса поступилъ на сахарный заводъ, дѣятельность очень однообразная—ну, и это-бы еще ничего—меня очень интересовало положеніе рабочихъ и я былъ съ ними въ отличныхъ отношеніяхъ, но вотъ что было невыносимо—имѣть дѣло съ администраціей: представьте себѣ, мнѣ поручалось давать взятки становымъ! „Ну, я бросилъ и больше не пойду!“ И онъ показалъ мнѣ только что полученное письмо съ приглашеніемъ на новый заводъ.

Заговорили о современномъ положеніи Россіи.

Онъ считаетъ, что „правительство цѣлой головой выше нашей интеллигенціи“, и доказательство видитъ въ томъ, что „реформы не прививаются“.

Считаетъ, что революціонное движеніе дѣлаетъ страшный вредъ, и находитъ, что мѣры, принятыя правительствомъ (введеніе военнаго положенія), вполнѣ оправдываются обстоятельствами.

— Что нужно народу?

Народу нужно знаніе—нужно знать, какъ изъ десятины получить не *а*, а *2а*! Что же касается „хорошей жизни“—она возможна и при теперешнемъ общественномъ устройствѣ!..

Заговорили о Чернышевскомъ.

„Это не художественное произведеніе, и еслибы было написано просто въ видѣ трактата, то было-бы лучше, а такъ принесло болѣе вреда, чѣмъ пользы“.

Его разсужденія были чужды моему настроенію...

Мы отправились на обѣдъ къ Холопову, гдѣ Рѣдичъ постоянно обѣдалъ.

Холоповъ, молодой гвардейскій кавалерійскій офицеръ, съ „гвардейской складкой“, недавно поступилъ въ В. гимназію воспитателемъ. У него мы застали доктора, барона М*, женатаго на одной изъ моихъ дальнихъ родственницъ.

За обѣдомъ шла пикировка между барономъ и Холоповымъ: у доктора была слабость къ формѣ, вообще къ военному, а Холоповъ его дразнилъ, постоянно указывая, что онъ всетаки „статскій“: „и статскій совѣтникъ“ и, вообще, „статскій“.

Холоповъ говорилъ о женитьбѣ, о приданномъ, завидовалъ болгарскому князю, про котораго тогда говорили, что онъ женится на княгинѣ Юсуповой.

Завязался споръ.

— Небось, увѣренно говорилъ Холоповъ: не отказались-бы жениться, хотя-бы и на 60-лѣтней старухѣ, да изъ знатнаго рода съ милліонами!

Холоповъ собирается куда-то уходить изъ гимназіи, переводится чуть ли не въ жандармы.

— Помилуйте, говоритъ: здѣсь служить нельзя! Средствъ не даютъ никакихъ!

— Ну, а въ полку?

— Тамъ я, по крайней мѣрѣ, знаю—приказалъ и будетъ исполнено, а здѣсь не даютъ никакихъ средствъ!

— Что же вамъ жаль, что нельзя дѣтей сажать на гауптвахту?

— Что они за дѣти; вѣдь у меня воспитанники VII класса! Вотъ, когда были корпуса, было лучше и выходили люди.

А вы знаете, обратился онъ ко мнѣ, что недавно здѣсь было? 6 человѣкъ, въ томъ числѣ двое нашихъ изъ отдѣленія этого хваленаго либерала Z, перелѣзли вечеромъ черезъ заборъ въ институтскій садъ и начали „пропагандировать“ институтокъ, ихъ накрыли, они назадъ—черезъ заборъ; за ними—оттуда выстрѣлъ! Вѣдь это дѣло дрянь! А отчего?

Набрали въ воспитатели разныхъ университетскихъ, и пошли либеральныя идеи!

Теперь возьмите преподаваніе: ну, я понимаю, безъ математики нельзя: она нужна и для артиллеріи и вообще, но зачѣмъ пять лѣтъ затрачивать на разныя „естественныя“ науки—чего тутъ только нѣтъ: и минералогія, и ботаника, и зоологія, и Богъ знаетъ что! Ну къ чему все это строевому офицеру? для завиральныхъ идей?

Пока онъ говорилъ, я вспомнилъ старинный анекдотъ, временъ Николая I: „орелъ, орелъ!“ кричалъ разъ въ лагеряхъ въ Петергофѣ кадетъ; дежурный офицеръ посмотрѣлъ на летѣвшую птицу и говоритъ кадету укоризненно: „дуракъ, носишь пуговицы съ орлами, а до сихъ поръ не знаешь, что у орла двѣ головы!“

— Вхожу, продолжалъ Холоповъ, вечеромъ въ классъ—занимаются; слышу: „сѣрà диформна!“ Что такое?

Оказывается, вы знаете, въ физикѣ—тамъ есть отдѣлъ „свѣдѣнія изъ химіи“, а учитель—семинаръ—изъ этого раздулъ чуть ли не цѣлую химію; и вотъ вамъ — „сѣрà диформна!“

Ну, какой толкъ—спрашиваю—диформна она или триформна.

А затѣмъ „словесность“—пишутъ сочиненія чуть не каждый мѣсяцъ—къ чему это? только пріучать разводить критику!

Теперь опять—у насъ 400 воспитанниковъ—устроено 5 библіотекъ!! Къ чему это?

А съ ружьями когда знакомятся? Въ послѣднемъ классѣ!

Вотъ въ этомъ году я своимъ: какъ ни придутъ за книгами, а я въ отвѣтъ—„провѣряю библіотеку“! И за весь годъ ни одной книги не выдалъ! и этимъ, навѣрное, принесъ пользу!

Въ воспитатели кого набрали? университетскихъ, да академиковъ, а строевые—настоящій-то устой—гдѣ!? Вѣдь, правду сказать здѣсь чуть ли не я одинъ правильно [1]) смотрю на дѣло!

---

[1]) „Правильное“ пониманіе сдѣлало очень быстрые успѣхи и вскорѣ, въ 1882 г., военныя гимназіи были преобразованы въ кадетскіе корпуса.

Нѣтъ, нужно возвращаться къ корпусамъ!

Получаю часто письма изъ батареи отъ Х-ко. Раньше мы вмѣстѣ собирались выходить въ отставку, но теперь онъ рѣшилъ остаться на военной службѣ и впослѣдствіи поступилъ въ артиллерійскую академію. Вотъ нѣкоторые отрывки:

20 апрѣля 1879 г.... „Вчера въ день вступленія нашей батареи въ М* устроили намъ торжественную встрѣчу, гдѣ мы удостоились слышать блестящую рѣчь мѣстнаго исправника.

Вообще эти встрѣчи настолько возмутительны, что и говорить о нихъ противно. Устраиваются совѣтомъ мѣстныхъ административныхъ властей, главную роль, конечно, играютъ тѣ-же власти.

Заканчиваются поздравительными телеграммами отъ генералъ-губернатора.

На нашу встрѣчу для декораціи была приглашена одна изъ мѣстныхъ барышень; она съ бокаломъ въ рукахъ сказала намъ трогательную рѣчь. Мы догадываемся, что барышня была привлечена властями, потому что она полька“...

8 мая 1879 г.

...„Я нахожусь въ большомъ колебаніи—выйти въ отставку—меня мучитъ какой-то неопредѣленный страхъ“...

...„Мнѣ хочется большаго, меня гнететъ та жизнь, которую я веду, но... слабость характера и, вообще, малодушіе не позволяютъ мнѣ развязаться съ этой жизнью“... „удерживаютъ на томъ пути, который я считалъ случайнымъ.“...

...„Я сознаю весь ужасъ той жизни, которая предо мной открыта и которая съ каждымъ днемъ меня засасываетъ.“...

28 мая 1879 г.

...„Я пока доволенъ жизнью въ М*, стѣсненій почти никакихъ, въ распоряженіи масса времени, и я засѣлъ за занятія.

У насъ все по старому, развѣ кромѣ того, что всѣ, исключая князя, совершенно перестали пить и стали серьезно заниматься [1]).

---

[1]) Впослѣдствіи Г-нъ и Х-ко поступили въ артиллерійскую академію, З-скій—въ юридическую, Ш-нъ—въ академію Генеральнаго Штаба. Леоновъ остался командовать въ Болгаріи. Баронъ И., человѣкъ съ большими средствами, вышелъ въ отставку и занялся своими дѣлами. Ж-ко и Р-къ остались въ строю.

По возвращеніи въ Россію кн. Р* женился на баронессѣ У*, вскорѣ послѣ этого на „лихомъ“ конномъ ученіи въ присутствіи жены одинъ солдатъ упалъ съ лошади и былъ убитъ наѣхавшимъ орудіемъ; князь подошелъ посмотрѣть и тутъ же упалъ мертвымъ отъ разрыва сердца...

Ожидалъ-ли ты отъ барона И*, чтобы онъ былъ способенъ просиживать за занятіями до 4 час. утра!

13 авг. 79 г.

...„Сегодня въ Драгунскомъ полку вышелъ такой эпизодъ: ген. Ванновскій говорилъ рѣчь офицерамъ и въ то время, когда онъ говорилъ о соціализмѣ, Яниковскій слегка фыркнулъ, чему была какая-то побочная причина, оттого Креминскій—человѣкъ, какъ ты знаешь, уже не молодой, улыбнулся; Ванновскій вообразилъ, что фыркнулъ Креминскій, вызвалъ его передъ фронтъ и приказалъ немедленно подать въ отставку. Каково, а?"...

...79 г.

...„Позавчера въ присутствіи командующаго войсками была двухверстная скачка съ четырьмя препятствіями. Отъ нашей батареи, по жребію, скакали съ драгунами я и Ж-ко, а съ уланами баронъ И-ль.

Мой конь скакалъ лихо, до перваго препятствія шелъ первымъ, на препятствіи запнулся, но все-же шелъ вторымъ, на послѣднемъ препятствіи, ближе къ внутренней сторонѣ прыгнулъ первый Чеховскій, шедшій сзади меня, и, такимъ оброзомъ, очутился сразу на цѣлую лошадь впереди меня, и потому я получилъ только третій призъ, а барону повезло: его кобыла, ты помнишь, сырая и скачетъ не особенно, но изъ шедшихъ впереди его уланъ на припятствіяхъ упало нѣсколько человѣкъ, и баронъ взялъ первый призъ..."

...79 г....

...„Пишу тебѣ тотчасъ, вернувшись съ обѣда, устроеннаго ген. Ванновскому. Сегодня онъ смотрѣлъ въ конномъ строю 1-ую бригаду нашей дивизіи. Нашей батареей остался очень доволенъ, назвавъ насъ гвардіей дивизіи!

Ген. же Винбергъ—начальникъ дивизіи—благодаря батарею, до такой степени расчувствовался, что расцѣловалъ князя. Бар. Корфъ назвалъ насъ украшеніемъ его бригады.

Князь на десятомъ небѣ"...

Лѣто готовился къ конкурснымъ экзаменамъ.

Передъ отъѣздомъ заѣхалъ проститься къ Л. А.

Л. А., дальняя родственница, вдова бывшаго губернатора на югѣ, человѣка очень образованнаго — историка; любила принимать и

вести „идейные“ разговоры, чаще всего на литературныя темы. У нее засталъ большое общество.

Зашла рѣчь о моемъ рѣшенiи выйти въ отставку.

— Какъ это—вы съ вашей поэтической натурой и вдругъ въ технологическiй институтъ, спрашиваетъ меня Л. А.

— Да развѣ наука это не поэзiя?

Развѣ это не поразительно, если вы изъ небольшой формулы можете вызвать столько образовъ, что ими можно наполнить цѣлую книгу?

— Да, но вѣдь дѣятельность такая прозаическая!

— Да развѣ это не увлекательно, если вы, пользуясь законами природы, берете такую власть надъ мельчайшими частицами различныхъ тѣлъ, что заставляете ихъ вступать во взаимодѣйствiе, заставляете ихъ выбрасывать отъ себя все лишнее и образовывать именно то, что вамъ нужно?

Развѣ это не поэзiя, если вы перекидываете мосты черезъ бурные потоки, пронизываете горы туннелями и такимъ образомъ соединяете то, что до васъ было разъединено природой.

Я, кажется, не убѣдилъ: когда я собирался бросать военную службу, не удовлетворяясь личнымъ моимъ положенiемъ, мнѣ указывали на общее значенiе дѣятельности, теперь-же, когда я стремлюсь къ другому, именно изъ за-грандiозности общаго, мнѣ дѣлаютъ возраженiе на почвѣ будничности личной дѣятельности.

О „будничномъ“ я не думалъ...

Конечно, военная академiя мнѣ открывала двери къ вѣрной карьерѣ, но именно о „карьерѣ“ то я и не думалъ.

Меня манило таинственное будущее...

Возможныя лишенiя за долгiе годы студенчества [1]) меня не только не пугали, но рисовались въ поэтическихъ образахъ...

Мнѣ хотѣлось знанiй, мнѣ хотѣлось быть просто человѣкомъ, не человѣкомъ касты...

Мнѣ хотѣлось подвига...

Одинъ изъ присутствовавшихъ, почти все время молчавшiй, выходилъ вмѣстѣ со мной.

— Я не знаю--о постройкѣ какого моста вы говорили?..

Взволнованный всѣми предыдущими разговорами, я отвѣчалъ:

---

[1]) Студентомъ я пробылъ шесть лѣтъ.

— Участвовать въ общей постройкѣ моста изъ мрака къ свѣту черезъ топи невѣжества!..

— Да... Не забывайте, что нужны крѣпкіе устои... не забывайте, что на укрѣпленіе почвы, особенно, если это, какъ вы говорите, топи, можетъ уйти работа нѣсколькихъ поколѣній...

Мы простились, и больше намъ не пришлось встрѣчаться.

Въ августѣ я былъ уже студентомъ.

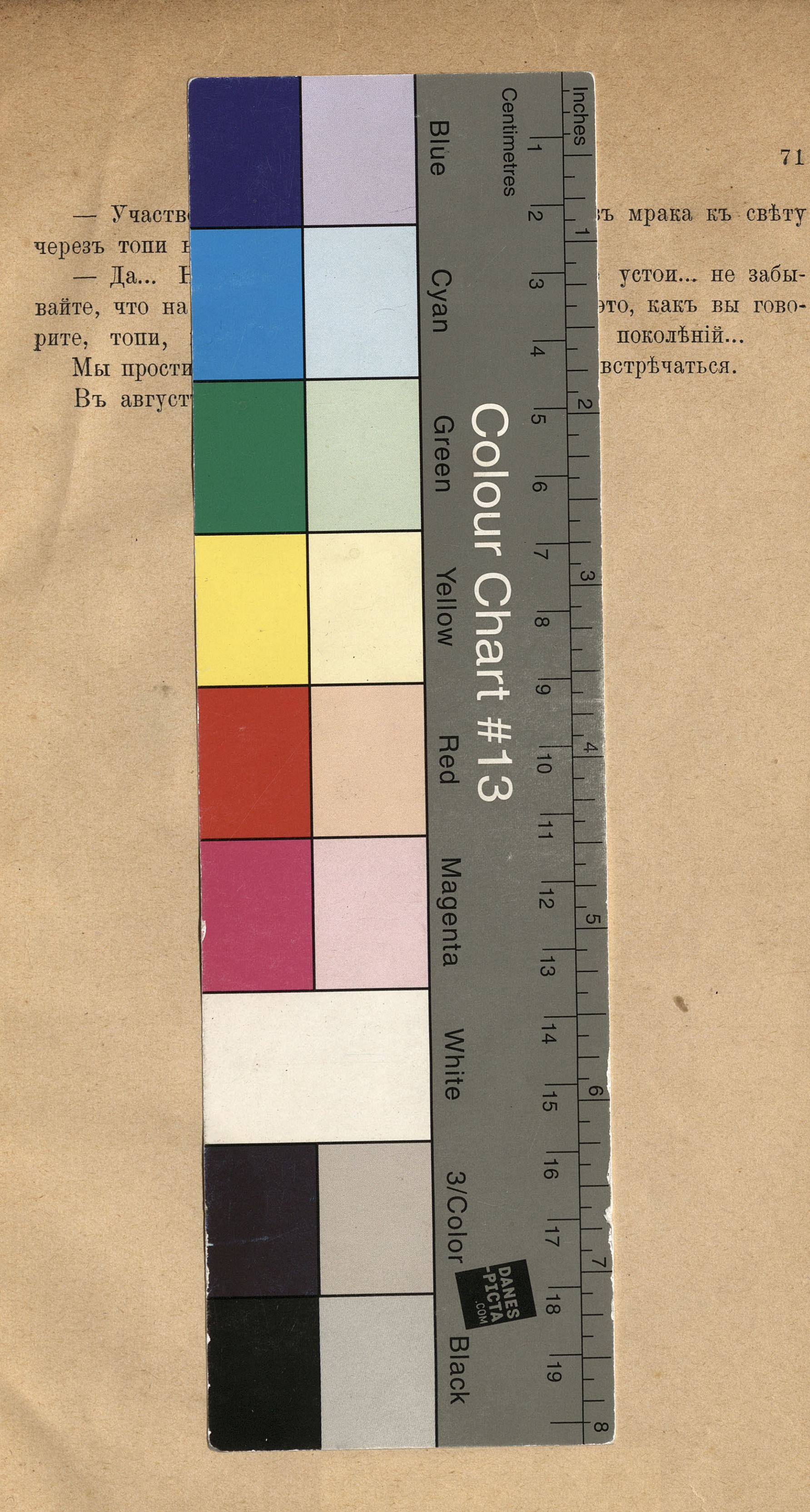

— Участв … ъ мрака къ свѣту
черезъ топи н …

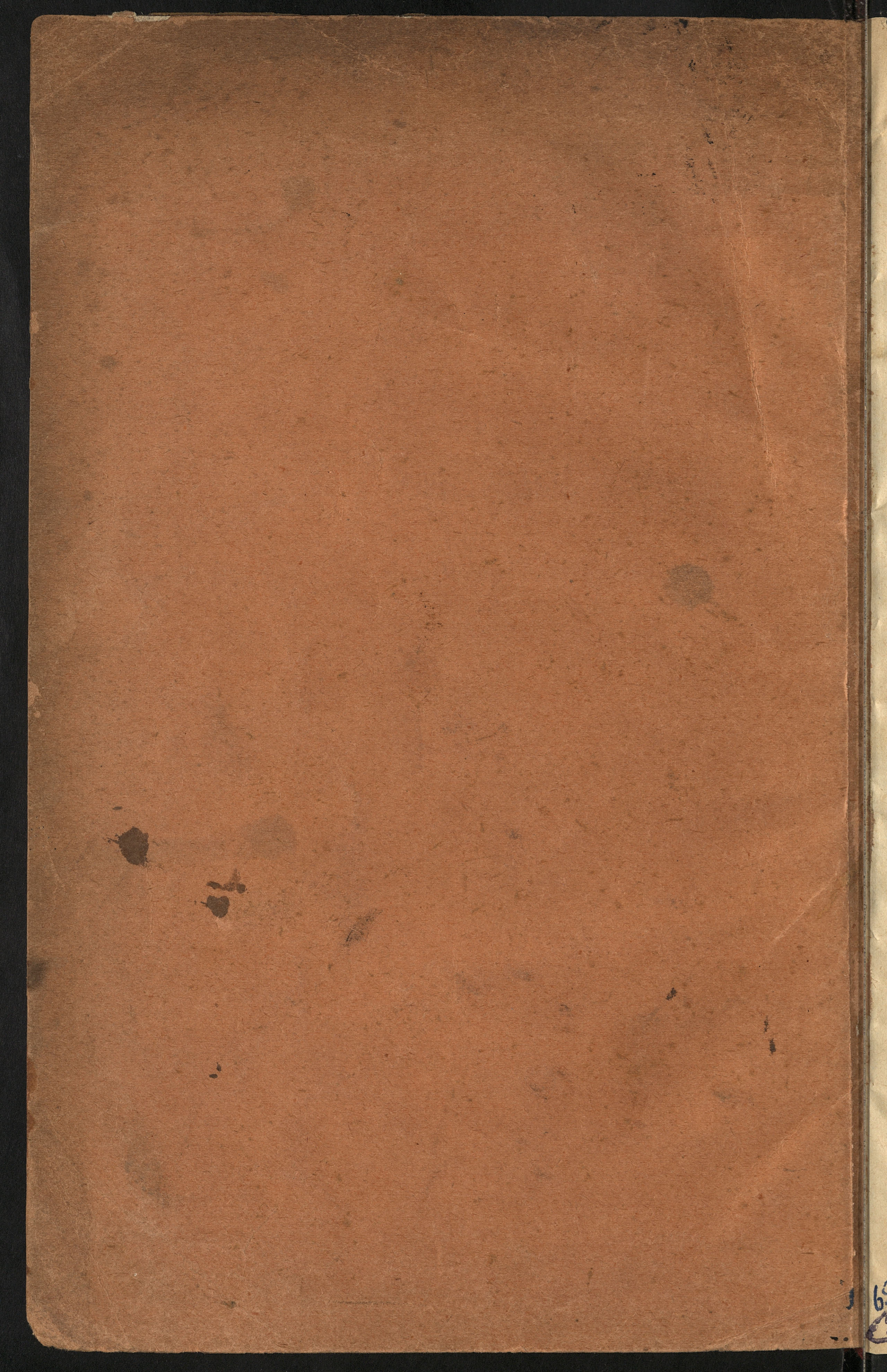
— Да... Н … устои... не забы-
вайте, что на … это, какъ вы гово-
рите, топи, … поколѣній...

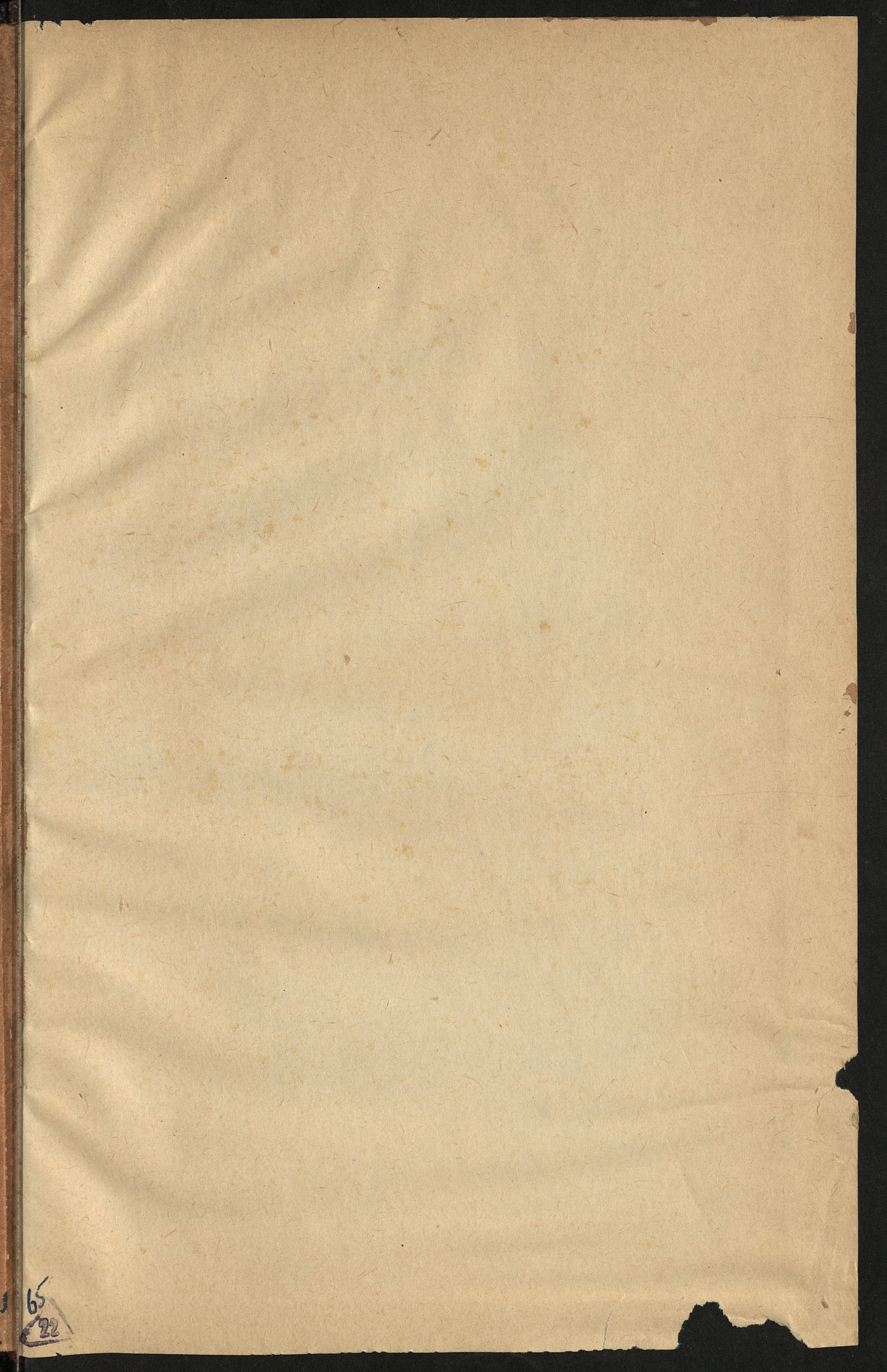
Мы прости … встрѣчаться.

Въ август …

1500218757

65
22

